

**Государственная дума Российской империи:
создание, выборы и деятельность**

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ КУЛИКОВ

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела
Новой истории России Санкт-Петербургского института истории
Российской академии наук (Санкт-Петербург)*

E-mail: sergeykulikov70@mail.ru

В статье исследуется один из самых загадочных и недооцененных эпизодов политической истории России 1905 г. — так называемая миссия У.Т. Стэда, относящаяся к августу — октябрю и напрямую связанная с появлением Манифеста 17 октября 1905 г. Недооценка миссии Стэда вызвана тем, что история Манифеста 17 октября традиционно изучается сквозь марксистско-ленинскую парадигму о реформах как побочном продукте революций, при игнорировании элитистской парадигмы, согласно которой революции — лишь издержки, причем не всегда неизбежные, реформаторского процесса. Миссия Стэда рассматривается в аспекте дискурсов о самодержавии и конституции и в контексте внутренней политики Николая II второй половины 1905 г., поскольку именно тогда царь являлся своего рода alter ego Стэда. Автор приходит к выводу, что Манифест 17 октября появился благодаря не столько оппозиционному или революционному движению, сколько вследствие внутреннего развития процесса правительственного реформаторства конца XIX — начала XX в.

Ключевые слова: манифест, император, журналист, оппозиция, революция, реформа, самодержавие, конституция, монархический суверенитет, народный суверенитет.

К истории создания законодательной Государственной думы. Николай II, У.Т. Стэд и Манифест 17 октября 1905 г.

Один из самых загадочных и недооцененных эпизодов политической истории России 1905 г. — так называемая миссия У.Т. Стэда, относящаяся к августу — октябрю и напрямую связанная с появлением знаменитого Манифеста 17 октября 1905 г. об «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором император Николай II повелевал правительству графа С.Ю. Витте подготовить дарование россиянам гражданских прав и свобод (личности, совести, слова, собраний и союзов), расширение избирательного права и преобразование законосовещательной Государственной думы в законодательную¹. Собственно о миссии Стэда писали его американский биограф Ф. Уайт², канадский историк Д.О. Бэйлен³, российский историк А.Н. Зашихин⁴ и эмигрантский социолог А.С. Кустарев⁵. Недооценка миссии Стэда вызвана тем, что Манифест 17 октября поколениями современников и историков (отечественных и зарубежных) рассматривался и рассматривается сквозь марксистско-ленинскую парадигму о реформах как побочном продукте революций

при игнорировании элитистской парадигмы, согласно которой революции — лишь издержки, причем не всегда неизбежные, реформаторского процесса. Прежде чем начать анализ миссии Стэда в контексте внутренней политики Николая II второй половины 1905 г., поскольку именно тогда царь являлся *alter ego* Стэда, почему их и важно рассматривать исключительно вместе, необходимо вкратце остановиться на личности главного героя миссии.

Уильям Томас Стэд (1849–1912) — выдающийся британский журналист, энергичный издатель и общественный деятель. В молодости — радикал, позднее — либерал, весьма близкий к лидеру Либеральной партии У.Ю. Гладстону, он получил известность еще и как апостол пацифизма. Со времени Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Стэд, подобно Гладстону, заявил себя активным русофилом, что привело его в политический салон публицистки О.А. Новиковой, жившей в Лондоне в качестве неофициальной представительницы русского правительства и печатавшейся в английских журналах под псевдонимом «О.К.». Она была урожденной Киреевой и приходилась родной сестрой идеологу позднего славянофильства генералу А.А. Кирееву, состоявшему при великих князьях Константине Николаевиче и сыне последнего — Константине Константиновиче (он же — «К.Р.»)⁶. Киреев даже полагал, что Стэда «выдумала сестра Ольга», которая и «вывела» его «в люди»⁷.

Во всяком случае в 1888 г. Новикова при помощи брата организовала для Стэда поездку в Россию и его встречу с императором Александром III⁸. Непосредственным организатором этой встречи был, судя по всему, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев — именно ему Новикова писала весной 1888 г.: «Визит Стэда мне удалось отвратить прошлого года, но фанатики упрямы: он все-таки едет в нынешнем году попытать счастья»⁹. Получается, что инициатором встречи с монархом являлся еще в 1887 г. сам Стэд, выказавший при этом назойливую настойчивость, которой Новикова была вынуждена подчиниться в следующем году, хотя и не без пассивного сопротивления. Стэд оказался первым иностранным журналистом, получившим от Александра III личную аудиенцию¹⁰. Свои русские впечатления и вызванные ими размышления Стэд опубликовал в книге «Правда о России»¹¹. Пример английского журналиста А.Н. Зашихин резонно считает «наиболее поразительным» и «опрокидывающим привычные стереотипы», поскольку Стэд, имевший на родине репутацию «радикального журналиста», как автор книги прославился тем, что «стал апологетом русских царей»¹². Какую же правду о России открыл для себя Стэд? В 1889 г. Киреев опубликовал на книгу англичанина рецензию, которая важна не только как непосредственный отклик на нее, но и как источник, позволяющий понять — какие мысли Стэда вызвали одобрение генерала и, следовательно, в чем они были единомышленниками.

Киреев особо отметил, что Стэд делил русских политиков на две группы: первую образовывали либеральствующие европейцы (*Liberal-Europeans*), вторую — националисты (*Nationalists*), составлявшие Панславистскую партию (*Panslavistic party*). Киреева восхищало, что самого себя либерал Стэд идентифицировал не с первой, а со второй группой, поскольку, по мнению журналиста, «Партия националистов» — «единственная, к которой мог бы принадлежать англичанин, если бы

он родился русским». Характеризуя лидеров панславистов, в том числе и Киреева, Стэд писал: «Они, прежде всего, русские и не стыдятся этого. Их политика, подробно изложенная мне их вожаками, ясна, последовательна и мужественна, она в гармонии с преданиями и законами исторического развития их родины, и со временем их мысли должны повлиять на ее судьбы». Большое внимание Киреева вызвало то, как Стэд написал о самодержце, которого он называл «всероссийским трибуном («The tribune of all the Russians») в прямом, древнеримском смысле этого слова, т.е. представителем и защитником народа. «На Западе, — писал Стэд, — власть царя представляется мрачной и страшной деспотией, которая держится лишь с помощью насилия». Однако «если бы царь вздумал обратиться к настоящему всеобщему голосованию, он получил бы подавляющее большинство против всех возможных и невозможных своих конкурентов. К России, — подчеркивал Стэд, — нелепо применять выработанные Западом конституционные формулы как непогрешимое специфическое средство для решения всех общественных и политических задач»¹³. Итак, дискурсы английского либерализма и позднего славянофильства совпали, что, в общем-то, неудивительно.

Гладстон говорил в 1878 г., формулируя идеологию официального ритуала Соединенного королевства Великобритании и Ирландии: «Монарх в Англии есть символ единства нации и вершина социального здания; творец (по совету с народом) законов; высший управитель церкви; источник правосудия; единственный источник почестей; лицо, которому несет всякая военная, морская или гражданская служба. Монарх есть носитель очень значительных прав собственности; он получает и владеет по закону всеми доходами государства; назначает и устраняет министров; заключает договора; прощает преступления или смягчает наказания за них; ведет войну и заключает мир; созывает парламент и распускает его; осуществляет эти обширные полномочия по большей части без какого-нибудь специального ограничения законом и пользуется в этой и во всякой другой функции абсолютной безнаказанностью по отношению к последствиям»¹⁴. Итак, де юре власть королевы Виктории (по большому счету — и ее преемников, поскольку выводы Гладстона, подчеркивал С. Лоу, сохраняли свою актуальность и в это время, а в известной степени — сохраняют и поныне!) мало чем отличалась от власти Александра III. Виктория являлась едва ли не автократом, а английский парламент — всего лишь законосовещательным учреждением! Ярая приверженность жителей островного королевства (даже сторонников Либеральной партии) к традициям и стала той почвой, на которой в 1888 г. сошлись английский либерал и идеолог славянофильства.

Несомненно, что во время первого посещения России Стэд познакомился и с 20-летним сыном Александра III, наследником-цесаревичем Николаем Александровичем, будущим Николаем II. Уже тогда журналист и наследник могли найти общий язык в прямом и переносном смысле слова, поскольку воспитателем Николая Александровича был английский педагог и акварелист К.О. Хис, до сих пор не удостоившийся внимания со стороны историков, хотя его роль в формировании личности последнего самодержца вполне сравнима с ролью, сыгранной при воспитании Александра I — Ф.Ц. Лагарпом и Александра II — В.А. Жуковским. Хис оказал

на Николая Александровича поистине громадное и разноплановое влияние, поскольку являлся «действительным руководителем» занятий наследника¹⁵, который уже в начале их общения считал его «любимым преподавателем» и «любимым наставником», из-за чего в дневниковых записях Ники англичанин упоминается «довольно часто»¹⁶. По воспоминаниям зятя Хиса, флигель-адъютанта А.А. Мордвинова, царь неоднократно признавался воспитателю: «Если у него есть что-либо хорошее, то этим он обязан единственно ему»¹⁷. Признание Николая было нечто большим, чем обычной вежливостью, поскольку соотносится с мнением осведомленных современников. В 1889 г. министр иностранных дел Н.К. Гирс говорил своему соратнику графу В.Н. Ламздорфу, что «Россия будет многим обязана» Хису¹⁸, подтверждая факт определяющего влияния британца на формирование личности Николая II.

Карл Осипович Хис (Хит) (Charles Heath) (1826–1900)¹⁹ приехал из Англии в Петербург в 1850 г. и начал карьеру гувернером в частном пансионе В.Ф. Мечина, причем настолько сроднился с новой родиной, что во время Крымской войны 1853–1856 гг., когда одним из противников России была Англия, не покидал Петербурга. В 1856 г. лояльный англичанин получил место репетитора Александровского лицея, в 1857 — там же официально поступил на государственную службу, начав ее с должности преподавателя английского языка, наконец, в 1862 — стал воспитателем Лицея и принял русское подданство. Хиса, вспоминал один из его учеников, министр иностранных дел А.П. Извольский, «любили все лицеисты», поскольку это был «очень одаренный и обаятельный человек», который «обладал обширными познаниями»²⁰. Признанием педагогических заслуг Хиса явилось то, что в 1878 г. он получил чин действительного статского советника («статского генерала») и должность помощника генерала Г.Г. Даниловича, главного воспитателя детей Александра III.

Влияние Хиса на цесаревича проявилось прежде всего в лингвистической сфере, поскольку Николая Александровича отличала несомненная способность к языкам, обеспечившая ему превосходную лингвистическую подготовку. Уже с юности Николай II хорошо знал английский, датский, немецкий и французский, что отражалось даже на русской речи монарха. «В речи императора Николая, — вспоминал генерал Ю.Н. Данилов, — слышался едва уловимый иностранный акцент, становившийся более заметным при произношении им слов с русской буквой «ять»»²¹. «Выговор» царя, подчеркивал лидер националистов В.В. Шульгин, был «чуть-чуть с налетом иностранных языков»²². Николай II отдавал явное предпочтение английскому языку благодаря Хису, влияние которого на воспитанника «сказалось, — указывал оппозиционный публицист В.П. Обнинский, — привитием, вместо родного, английского языка»²³. Извольский также свидетельствовал, что именно воспитателю царь был «обязан совершенным знанием английского языка»²⁴. Данилову и Шульгину резали ухо англицизмы, отличавшие русский язык Николая II.

В царской семье, вспоминал близкий к великому князю Кириллу Владимировичу Г.К. Граф, «излюбленным языком» являлся «именно английский» и только «в последнюю очередь шел немецкий язык»²⁵. Николай II не просто говорил, но и

думал по-английски, а потому его речи, не приготовленные заранее, были, по ироничному наблюдению Обнинского, «подстрочными переводами английских фраз»²⁶. Языковые пристрастия Николая II в начале XX в. предопределили неписанные правила поведения в большом свете, обусловив замену традиционной франкофонии англофонией. «Средством общения в петроградском обществе, — вспоминала подруга императрицы Александры Федоровны Ю.А. Ден, — был английский язык: на нем неизменно говорили при Дворе»²⁷. Влияние Хиса на будущего Николая II не ограничивалось только лингвистикой, но наложило глубокую печать на индивидуальность наследника. В 1889 г. Гирс информировал Ламздорфа, что Хис «неустанно стремился внушить своему августейшему ученику чувства моральной независимости и благородства и выработать в нем твердость характера»²⁸. Педагогические усилия Хиса детерминировали стиль поведения Николая II.

Российский консул в Лондоне барон А.А. Гейкинг составил своего рода кодекс поведения истинных англичан. Они, писал барон, «соблюдают холодную сдержанность и ненавидят шумную экспансивность, кажущуюся им недостойною культурных людей... В английском обществе избегают разговоров о религии, политике и о личных обстоятельствах. Не принято ставить вопросы личного свойства или противоречить друг другу. Если противоречие неизбежно, то, по крайней мере, сперва извиняются. Но разговор в обществе никогда не должен принимать оборота диспута, как это часто бывает в немецком и русском обществах». Нравственность англичан покоится на самоуважении и «глубокой религиозности, выражающейся не только в богослужении, но и в нравах обыденной жизни». Не менее важно и другое: спорт — это «полюс, около которого вертится жизнь в Англии», поскольку для островитян очевидно: «Ничто не освежает ум больше, чем временная, возможно полная, перемена в направлении умственной деятельности». В отличие от Англии в странах континентальной Европы «все еще придают слишком мало значения педагогической пользе, извлекаемой из спортивных упражнений на свежем воздухе»²⁹. Буквально каждое положение приведенного кодекса в полной мере применимо не только к английскому джентльмену, но и... к воспитаннику Хиса!

Действительно, все мемуаристы, писавшие о Николае II, единодушны в том, что его отличали холодная сдержанность, избегание политических разговоров и принципиальных споров, не только официальная, но и бытовая религиозность и любовь к спорту и вообще к физическим нагрузкам. Исследователи всегда снисходительно оценивали слабость императора к спортивным экзерцициям, но здесь тоже не обошлось без влияния Хиса. По воспоминаниям Извольского, «особенную склонность» английский педагог «чувствовал к спорту и затратил много труда, чтобы воспитать в своих учениках любовь ко всем видам спорта», а потому именно он заразил Николая Александровича «увлечением спортом»³⁰, тем более, что в физическом развитии наследника, по наблюдениям генерала Н.А. Епанчина, Хис «достиг прекрасных результатов»³¹. Николай II, даже занимая российский престол, был, по своей ментальности, привитой Хисом и проявлявшейся в повседневности, не только российским самодержцем, но и, конечно — в некотором смысле, настоящим англичанином на русском троне.

Несомненно, что в обществе англичан, в их языковой среде, Николай II чувствовал себя более комфортно, чем в обществе русских. Показательна ситуация, возникшая осенью 1915 г. в Могилеве, Ставке верховного главнокомандующего, во время обхода царем гостей. «Пропустив нескольких лиц, стоявших подле меня, — вспоминал князь Н.Д. Жевахов, — государь подошел к англичанину и вступил с ним в оживленную беседу на английском языке... Потому ли, что англичанин держался очень бойко, потому ли, что разговор велся на иностранном языке, но только государь чувствовал себя свободнее и очень непринужденно и весело беседовал с англичанином, который громко смеялся и заражал своим смехом и государя. Затем государь подошел к [могилевскому] архиепископу Константину, и здесь произошла неловкость. Архиепископ не решился начать разговор, а государь не нашелся, что сказать смущенному владыке. Томительная минута молчания разрешилась тем, что государь принял благословение архиепископа и молча отошел от него, после чего удалился в свой кабинет»³².

Более важно другое — еще в детстве Хис заронил у наследника интерес к истории Англии и ее политическому устройству, пробуждая в нем желание следовать и тому, и другому. «Однажды, — рассказывал Хис Мордвинову, — мы читали вместе с маленьким Николаем Александровичем один из эпизодов английской истории, где описывался въезд короля, любившего простонародье; толпа восторженно кричала: “Да здравствует король народа”. Глаза у мальчика так заблестели, он весь покраснел от волнения и воскликнул: “Ах, вот я хотел бы быть таким”, но я сейчас же ему заметил: “Вы не должны быть государем одного лишь простого народа, для Вас все классы населения должны быть равны, одинаково дороги и любимы”»³³. Влияние Хиса предопределило особенности Николая II не только как человека, но и как правителя.

Ден отмечала, что последний царь «больше, чем кто-либо, соответствовал идеалу монарха, каким он представляется ученику английской частной школы»³⁴. По мнению британского посла в России Д.У. Бьюкенена, знавшего Николая II с 1896 г. более 20-ти лет, он обладал «многими способностями, которые прекрасно подошли бы для конституционного монарха — острый ум, обширный кругозор, методичность и трудолюбие в работе, необычайное природное обаяние, привлекавшее к нему всех, кто его знал»³⁵. Бесспорно, что наличие у Николая II качеств, делавших из него идеального конституционного монарха, стало одним из главных итогов деятельности Хиса в качестве его воспитателя.

Наконец, необходимо поставить вопрос и о политическом влиянии английского педагога на наследника, поскольку Хис остался в памяти своих воспитанников-лицейстов как «сторонник английских либералов»³⁶, т.е. Гладстона, поклонником которого являлся и Стэд. Общение Николая Александровича с Хисом породило в его ученике, по меньшей мере, благосклонное внимание к английскому либерализму. То, что политическое влияние воспитателя на наследника не только было, но и имело либеральный характер — подтвердил друг Александра III, консерватор граф С.Д. Шереметев, который, размышляя о причинах российской смуты начала XX в., написал: «Английский воспитатель царский... Это явление роковое»³⁷. Не

случайно, что в июне 1893 г., приехав в Лондон на свадьбу будущего Георга V, Николай Александрович посетил Палату общин и слушал выступление именно Гладстона³⁸. Вряд ли так поступил бы адепт консерватизма или аполитизма.

Политическое влияние Хиса на наследника привело к тому, что как человек он сочувствовал либерализму даже тогда, когда превратился в императора. Принц П.А. Ольденбургский, друг детства и юности Николая II и первый муж его сестры великой княгини Ольги Александровны, в порыве откровенности признавался фрейлине баронессе В.М. Мейендорф, что если бы Николай II «был частным лицом, то был бы самым большим либералом из всех либералов»³⁹. Однако, возглавляя в качестве царя народ, отличавшийся в подавляющем большинстве, с точки зрения официальной доктрины, приверженностью к консерватизму, Николай II, в силу этого, совершенно сознательно играл роль консерватора. Часто общавшийся с императором принц Генрих Прусский так характеризовал Николая II канцлеру князю Б. фон Бюлову в 1901 г.: «Он настроен гуманно, но желает сохранить самодержавный строй»⁴⁰. Сам Николай II во время аудиенции, данной им 6 ноября 1905 г. товарищу министра внутренних дел князю С.Д. Урусову, заявил буквально следующее, подразумевая самодержавную монархию: «Вам она не нужна; мне она не нужна; но пока она нужна народу, мы обязаны ее поддерживать»⁴¹.

Примирия свое сочувствие либерализму с необходимостью позиционирования себя как адепта консерватизма, царь, являясь либералом, ридился в тогу консерватора, проводя либеральные реформы на практике, в области ритуала обеспечивал им консервативный аккомпанемент. Это и предопределило пресловутую двойственность внутренней политики Николая II, смущавшую современников, не имевших представления о сложности личности самодержца, хотя подобная двойственность была результатом не лицемерия, но использования им английской модели, которая была транслирована Хисом, интерпретирована применительно к русской реальности Стэдом и подразумевала, что формально неограниченный суверен подвергается ограничению, точнее — самоограничению, только фактически, без письменной конституции.

В ноябре 1894 г., при воцарении Николая II, Стэд откликнулся на это статьей о новом монархе, выдержанной в весьма доброжелательных тонах⁴². Очевидно, журналист был уверен, что семена, посеянные Хисом, дадут всходы, тем более, что поводы для такой уверенности давал Манифест 20 октября 1894 г. «О вступлении на престол», первый из манифестов Николая II. В нем император, позиционируя себя как царя-реформатора, объявлял, что, вставая у кормила правления, принял «священный обет перед лицом Всевышнего всегда иметь единою целью мирное преуспевание, могущество и славу дорогой России и устройство счастья всех наших верноподданных»⁴³. В это время, по свидетельству весьма осведомленного журналиста И.И. Кольшко, Николай II мечтал «о славе эмансипатора (освободителя. — С.К.) России»⁴⁴, т.е. о той же славе, которую снискал его дед Александр II, Царь-Освободитель.

Николай II, однако, как всякий наследственный правитель, должен был являться — и являлся на самом деле — примерным сыном своего отца, а потому —

демонстрировать непрерывную преемственность между старым и новым царствованием, независимо от того, сочувствовал ли он реально внутренней политике отца или нет. Именно эти обстоятельства, а не некий крайний консерватизм и стали причиной речи Николая II, произнесенной им 17 января 1895 г., во время приема представителей дворянского, земского и городского самоуправления. «Пусть все знают, — заявил тогда царь, — что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный, покойный родитель»⁴⁵. Историки, следуя за ангажированными современниками, трактовали эти слова как отказ от удовлетворения народных нужд, хотя в речи 17 января 1895 г., в развитие Манифеста 20 октября 1894 г., Николай II публично обещал посвящать «все свои силы благу народному».

Кроме того, историки, пребывая в плену собственных стереотипов, никогда не задавались вопросом — а что же, собственно, царь понимал под «самодержавием»? Ответ, казалось бы, очевиден — абсолютную (неограниченную) монархию, существовавшую в России до 1905—1906 гг. Но вот что писал в 1905 г. Г.А. Евреинов, друг известного государственного деятеля И.Л. Горемыкина, при Александре III — товарищ министра путей сообщения, затем — сенатор: «Самодержавие находит свое главное выражение в правлении... Самодержавию противопоставляется парламентаризм, когда правительство должно быть взято монархом обязательно в большинстве представительного собрания и обязано сложить власть помимо воли главы государства, когда лишится доверия этого большинства»⁴⁶. Следовательно, самодержавие, с точки зрения идеологов бюрократической элиты, не противоречило народному представительству, если оно функционировало (как в Германии или США) в режиме дуализма, когда правительство политически ответственно только перед главой государства — монархом или президентом.

Для понимания того, что же в январе 1895 г. Николай II понимал под «самодержавием», целесообразно обратиться и к реакции на выступление царя со стороны германского императора Вильгельма II, с которым Ники уже в 1889 г. был «на ты»⁴⁷. Близость монарших кузенов объяснялась, помимо прочего, тем, что они, напоминая кайзер самодержцу в 1898 г., являлись политическими единомышленниками, имея «одни и те же основные взгляды» на то, как «следует выполнять задачу», возложенную на них «Царем всех царей»⁴⁸. «С тех пор, как миновали печальные недели, выпавшие на твою долю, — имея в виду кончину Александра III, писал Вильгельм Николаю 7 февраля 1895 г., — многое произошло в Европе... Франция внезапно переменила и своего главу, и свое правительство... Мой Рейхстаг держит себя из рук вон скверно... В Англии министерство плетется к падению, сопутствуемое насмешками всех. Словом, всюду требуется, чтобы *principe de la monarchie* (монархический принцип (фр.). — С.К.) проявил свою силу. Вот почему я так обрадован превосходной речью, которую ты недавно произнес перед депутациями в ответ на просьбы о реформах. Это было очень кстати и повсюду произвело глубокое впечатление»⁴⁹.

Приведенная цитата доказывает, что Вильгельм II, а значит — и его кузен, ассоциировали с самодержавием не абсолютизм, а принцип монархического

суверенитета (в просторечии — монархический принцип), который противопоставлялся принципу народного суверенитета, воплощенному в республиках, и подразумевал, что верховным, а значит — единственным, источником государственной власти в любой монархии, безразлично — абсолютной или конституционной, является монарх, а не народ⁵⁰. Это полностью соотносится с тем, что, по сведениям Епанчина, для Николая II слово «самодержавный» означало — «независимый от какой бы то ни было верховной власти»⁵¹. Монархический принцип не исключал сосуществования монарха и народного представительства в рамках дуалистической системы (как в Германии) и даже парламентарной (как в Англии) и прежде всего — ограничения самодержавия в законодательстве.

Имея в виду слово «самодержавие», употребленное Николаем II 17 января 1895 г., лидер оппозиции князь Д.И. Шаховской писал несколько позже: «Вопрос в том, разуметь ли под этим словом единоличную власть наследственного монарха, который санкционирует закон и направляет общую жизнь государства, или же с понятием о самодержавии неразрывно связано самовластие чиновничества, презирающего права лиц и общественных учреждений... Пока ясно не высказано, что только отлившееся в последнюю форму самодержавие достойно этого имени, пока ясно не высказано, что все доводы идеалистов русского самодержавия — глупые бредни, до тех пор в царской речи нельзя найти ни слова возражения против самых крайних из высказанных в земских адресах и в земских собраниях взглядов. Это до такой степени очевидно, что на другой же день после произнесения ошеломившей большинство публики речи в таком органе, как «Новое время», было весьма резонно выяснено, что слова царя, в сущности, не противоречат высказанным земствами пожеланиям»⁵². Между тем, по сведениям графа С.Ю. Витте, А.С. Суворин публиковал в «Новом времени» то, о чем заведомо знал, что «сие будет встречено свыше одобрительно»⁵³. Оно и неудивительно — о несовместимости самодержавия с «самовластием чиновничества» и административным произволом Николай II заявлял публично сразу после воцарения, да и впоследствии.

Принимая сенаторов 11 ноября 1894 г., царь говорил: «Я уверен, что и при мне Сенат в деятельности своей будет руководствоваться одною правдою и законом»⁵⁴. В указе Сенату 22 марта 1903 г. о введении в действие нового Уголовного уложения Николай II объявил, что стремится «к укреплению в народе чувства законности, которое должно быть постоянным руководителем каждого как отдельно в кругу личной его деятельности, так и в совокупном составе сословий и обществ»⁵⁵. В указе Сенату 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» главную цель внутренней политики царь видел в «охранении полной силы закона, важнейшей в самодержавном государстве опоры престола, дабы ненарушимое и одинаковое для всех исполнение его почиталось первейшею обязанностью всех ... властей и мест, неисполнение же ее неизбежно влекло законную за всякое произвольное действие ответственность»⁵⁶.

Очевидно, что в глазах Николая II самодержавие не просто не противоречило принципу законности, но и являлось его непосредственной предпосылкой, тем более, что это полностью соответствовало статье 47 прежних Основных государственных

законов, которая гласила: «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих»⁵⁷.

Объясняя возможность «правомерного самодержавия», официальный правовед Н.М. Коркунов указывал в 1904 г., что законность «является в нашей государственной жизни не ограничением, извне навязанным власти, а собственным ее созданием», а потому «русская государственная власть сама себя ограничивала, сама стремилась установить и упрочить законность»⁵⁸. Адвокат и правый кадет В.А. Маклаков, отмечая, уже в эмиграции, что понимание самодержавия как правового строя «отражалось и в “Основных законах” старой редакции», полагал, что именно в процитированной статье «и был зачаток правового порядка, отличного от деспотии», «эмбрион “правового порядка”, который облегчил безболезненный переход к “конституции”»⁵⁹. Соображения Маклакова соотносятся с классификацией Киреева.

В 1896 г. А.А. Киреев писал: «Самодержавие бывает трех типов: 1) самодержавие типа бюрократического (der Polizeistaat (полицейское государство (нем.) — С.К.) с формулой “L'Etat — c'est moi” (“Государство — это я” (фр.) — С.К.); 2) самодержавие типа славянофильского с формулой “много умов и одна воля”; 3) самодержавие типа западного с формулой “много умов и много воля” (современный парламентаризм разных видов и степеней)». Разница между самодержцем и среднеазиатским ханом, отмечал генерал, «принципиальная — именно та, что хан не связан ничем, что в основании его действий лежит лишь один полнейший произвол, а в государстве славянофильском царь связан нравственно своею совестью и как христианский государь, царствующий над христианским народом, ответствен перед Богом и Церковью»⁶⁰. Николай II сознательно отличал «истинное самодержавие» не только от восточного деспотизма, но и от западного абсолютизма.

Принимая 2 апреля 1905 г. лидера консерваторов Б.В. Никольского, царь полностью согласился с доводами собеседника, который раскритиковал интеллигентов и иностранцев за то, что они «обыкновенно сопоставляют самодержавие с абсолютизмом» либо (как «умные люди» типа Витте) с «просвещенным абсолютизмом». Озвучивая взгляды самого монарха, Никольский находил, что подобное сопоставление «совершенно невозможно», поскольку нет ничего общего между «западным абсолютизмом, выросшим на почве феодально-сословной», и «нашим самодержавием, порожденным высшим напряжением национального демократического и религиозного духа». Реагируя на слова Никольского о том, что «взгляд на царя как на выборного всей Земли русской и дает самодержавию высшее идейное содержание», Николай II сочувственно заметил: «Как же, ведь и наш Дом (т.е. Дом Романовых в 1613 г. — С.К.) был выбран народом»⁶¹. Неверно понимаемому «самодержавию» царь противопоставлял понятие «истинного самодержавия». Так, в манифесте 18 февраля 1905 г. «О призыве властей и населения к содействию самодержавной власти в одолении врага внешнего, в искоренении крамолы и в противодействии смуте внутренней» он заявил о своем

стремлении «к вящему укреплению истинного самодержавия на благо всем нашим верным подданным»⁶². Что же Николай II понимал под «истинным самодержавием»?

В марте 1895 г. (!), критикуя «парламентаристов», сторонников парламентарной системы, и характеризуя внутривластную ситуацию в России, Киреев отмечал, что «полная гласность могла бы царствовать в Государственной думе, облеченной совещательным голосом»⁶³. «Истинно самодержавная власть, — писал в 1899 г. Д.А. Хомяков, другой истолкователь идей первых славянофилов, — непременно себя проявит всяческими видами общения с народом, из которых одним может быть и Земский собор. Но Земские соборы сами по себе вовсе не панацея: они только симптомы»⁶⁴. Иными словами, «истинное самодержавие» не только не являлось абсолютизмом, но и не знаменовало собой буквального возвращения к Московской Руси и подразумевало создание народного представительства, но не обязательно в виде Земского собора. Несомненно, что в данном случае поздние славянофилы выражали точку зрения Николая II.

При открытии в феврале 1896 г. в Петербурге совещания губернских предводителей дворянства киевский предводитель гофмейстер Высочайшего двора князь Н.В. Репнин высказался за возвращение к «истинному самодержавию» посредством ограничения самовласти бюрократии, расширения выборного начала, предоставления избранным от населения лицам участия в законодательстве и созыва съезда представителей земского самоуправления⁶⁵. Выступление Репнина никак не испортило его карьеры — он продолжал оставаться киевским предводителем и далее, а позднее — был возведен Николаем II в обер-гофмейстеры, т.е. в первые чины Высочайшего двора, и назначен членом Государственного совета!

В конце XIX — начале XX в. для Николая II и его ближайших сотрудников являлось весьма актуальным идеологическое обоснование выделения понятия «истинное самодержавие» из концептов не только «западного абсолютизма», но и «восточного деспотизма», в связи с развитием самоуправления в России вплоть до создания народного представительства. «Нам необходимо согласовать принцип самодержавия с самоуправлением, — писал 8 сентября 1899 г. В.К. Плеве, тогда — государственный секретарь, своему подчиненному Д.Н. Любимову. — Для этого надо поработать, прежде всего, над раскрытием духовной стороны русского самодержавия, намеченной в трудах первых славянофилов, ради очищения автократического принципа и от восточных понятий, и от ереси просвещенного абсолютизма, подставляющего под понятие государства понятие о личности самодержца и затемняющего служебную роль автократического режима на благо народа»⁶⁶. Необходимо напомнить — в январе 1895 г. Николай II говорил одновременно и о «благе народном», и о «начале самодержавия», видя в них не противоположные полюса, а взаимозависимые факторы и полагая, что как «благо народное» невозможно без утверждения «начала самодержавия», так и «начало самодержавия» должно служить «благу народному».

По окончании аудиенции, данной Николаем II Никольскому 2 апреля 1905 г., последний говорил министру Императорского двора барону В.Б. Фредериксу: «Самодержавие согласуемо с какими угодно реформами, не только либеральными,

но прямо радикальными. Согласуемо оно, стало быть, и с выборным началом, ибо собрание выборных, по воле самодержавного государя созданное, самодержавию не противоречит, если у царя находятся честные исполнители его воли»⁶⁷. Положительная реакция министра на приведенное мнение свидетельствовала, что оно соответствовало и взглядам императора, тем более что он молчаливо согласился с министром юстиции С.С. Манухиным, заявившим 19 июля 1905 г. во время обсуждения проекта законосовещательной Государственной думы: под понятием «истинного самодержавия» «разумеется ясное представление о пользах и нуждах народных»⁶⁸, очевидно — возникающее из общения самодержца с представителями народа.

В 1913 г., пером генерала А.Г. Елчанинова, Николай II максимально конкретизировал свои взгляды на «истинное самодержавие», которое существовало в Древней Руси и «созывом народных представителей не умалялось и не ограничивалось» (это и есть монархический принцип), но, тем не менее, «было неразрывно связано с “голосом земли” — с народным представительством, в лице Земских соборов и веча». В 1905 г., «волею государя, этот “голос земли” принял новый, более современный вид, но духом он остался тем же чисто русским “единением царя с народом”, которое впервые зародилось у нас же на Руси и всегда в ней жило»⁶⁹. Следовательно, прежние Земские соборы и Государственную думу связывало, с точки зрения Николая II, лишь духовное преемство, что не оставляло самодержавие и после 1905 г. неограниченным.

Именно на фоне противоречивого дискурса о самодержавии и проходило общение царя со Стэдом, который получил поводы для более близкого знакомства с Николаем II 12 августа 1898 г. В этот день по повелению самодержца министр иностранных дел М.Н. Муравьев передал всем находившимся в Петербурге представителям иностранных держав циркулярное сообщение, предлагавшее начать подготовку международной конференции для ограничения роста вооружений и упрочения всеобщего мира. «Положить предел непрерывным вооружениям, — говорилось в сообщении, — и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья — таков ныне высший долг для всех государств. Преисполненный этим чувством, Государь император повелеть мне соизволил обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитованы при Высочайшем дворе, с предложением о созвании конференции в видах обсуждения этой важной задачи»⁷⁰. Хорошо знавший Николая II в качестве его воспитателя Данилович писал 29 августа 1898 г. управляющему делами Комитета министров А.Н. Куломзину, подразумевая монарха, что пацифистская идея циркуляра «вполне соответствует всему складу его убеждений»⁷¹.

Естественно, что Стэд как один из лидеров не только британского, но и мирового пацифизма «горячо приветствовал мирные инициативы русского царя»⁷² и тут же решил поехать в Россию и добиться аудиенции у Николая II. К организации аудиенции был причастен, как и в 1888 г. (в случае с Александром III), не только Киреев, но и Победоносцев. Не случайно опубликованный в 1897 г. «Московский сборник», самый известный труд обер-прокурора Синода, уже в 1898 г. издается

в Лондоне под названием «Размышления русского государственного деятеля»⁷³ в серии «Русская библиотека», под редакцией именно Стэда.

Встреча царя и журналиста произошла в Ливадии 13 октября 1898 г., когда Николай II записал: «Принял англичанина Стэда и говорил с ним целый час»⁷⁴. Вспоминая через семь лет эту и следующую встречи, Стэд отмечал, что Николай II беседовал с ним «не как государь с журналистом, а как человек с человеком». В ходе общения с венценосцем Стэд «почувствовал величайшее уважение к живому сочувствию, острому пониманию и широкой человечности» самодержца. «И ничто, — подчеркивал публицист, подразумевая Николая II, — не могло бы поколебать моего абсолютного убеждения в его прозрачной искренности и его патриотической преданности благосостоянию его подданных»⁷⁵. Англичанин искренно выделял императора из иерархии власти, поскольку, по мнению Стэда, бюрократия затемняла проходившие сквозь нее светлые проявления монаршей воли. Вскоре после встречи с монархом Стэд признался директору Императорских театров князю С.М. Волконскому, что «когда он говорит с Николаем II, он чувствует себя перед культурным человеком; когда же он читает в газетах правительственные распоряжения, — это исходит от некультурного правительства»⁷⁶. Тема чиновного средостения, отделившего царя от народа, имела актуальность не только для поздних славянофилов, но и для английских либералов.

Как известно, результатом инициативы Николая II, вдохновляемого в том числе и Стэдом, явилась Первая конференция мира, открывшаяся в Гааге 6 (18) мая и работавшая до 17 (29) июля 1899 г. Участники Конференции подписали три конвенции (о мирном решении международных столкновений, о законах и обычаях сухопутной войны и о регулировании законов и обычаев морской войны) и три декларации (о воспреещении метать снаряды с воздуха, употреблении химического оружия и разрывных пуль). Ключевое значение имела Конвенция о мирном решении международных столкновений, во исполнение которой была учреждена Постоянная палата третейского суда, функционирующая до сих пор. Еще одним итогом пацифистской активности Николая II явилось то, что в конце 1890-х гг. благодаря Стэду и другим западным почитателям самодержца в европейском общественном мнении стал формироваться образ «Николая-Мироносца»⁷⁷, при отсутствии и намека на существование образа «Николая Кровавого».

Заочное общение Стэда с императором произошло осенью 1903 г., когда журналист опубликовал в английских газетах открытое письмо В.К. Плеве, который в это время занимал пост не только министра внутренних дел, но и министра статс-секретаря по делам Великого княжества Финляндского. Европейской общественное мнение считало Плеве ответственным за финляндскую политику царизма, нацеленную, по мнению Запада, на ликвидацию автономии Финляндии, подтверждение чему видели в Манифесте 3 февраля 1899 г. о разграничении великокняжеского и общеимперского законодательства. В действительности Плеве стремился к соглашению с умеренными финскими деятелями, а потому пытался сблизиться со «старофинской партией» и найти «средний путь», обеспечивающий интересы России и Финляндии. В качестве посредника Плеве использовал графа К.А. Армфельта,

начальника Канцелярии Финляндского статс-секретариата, послав несколько писем к лидерам «старофинской партии». В этих письмах Плеве выступал за то, чтобы установить «дружеские отношения» и определить политическую линию, на которой «можно было бы взаимно сойтись», однако попытки министра статс-секретаря «ни к чему конкретному не привели»⁷⁸. И Плеве по-прежнему пользовался незаслуженной репутацией гонителя финляндской конституции, как, впрочем, и русской.

Ответное письмо Плеве Стэду, опубликованное в газетах Германии и Франции, но замолчанное английской прессой, несомненно, выражало мнение самого Николая II и непосредственно касалось отношений не только между Россией и Финляндией, но и между властью и обществом в России. «Основная задача государственной власти — благо управляемых — может быть достигнута лишь совместным трудом власти и населения, — говорилось в письме. — От участников этой совместной работы требуется, с одной стороны — признание населением обязательности для него общегосударственных целей, а с другой — признание пользы для государства от самодеятельности его составных элементов. Вот почва, на которой должны сойтись в общей работе власть и общественная самодеятельность. Сочетание единой государственности и местной автономии, самодержавия и самоуправления, есть принцип, который следует принимать во внимание при оценке действий русского правительства в Великом княжестве Финляндском». По мнению министра, а значит — и царя, Манифест 3 февраля 1899 г. подтвердил этот принцип и если и вызвал негативное отношение со стороны финнов, то потому, что в Финляндии «понятие местной автономии выработалось гораздо шире», в действительности же Манифест «дал сочетание принципа самодержавия с принципом местного самоуправления без умаления прав последнего». Налицо, таким образом, артикуляция идеологии консервативного либерализма.

Сделав акцент на «совместимости самодержавия с широким местным самоуправлением и гражданской свободой», Плеве дал консервативно-либеральную трактовку и Манифесту 26 февраля 1903 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»: «Развитие духовных и материальных сил населения постепенным приобщением его к участию в сознательной общественной жизни, как здоровое консервативное начало управления, входило всегда в намерения верховных руководителей русской государственной жизни. Эти намерения недавно вновь возведены с высоты престола манифестом 26 февраля 1903 г. В нашем государстве этот процесс совершается в соответствии с историческими основами государства и национальными особенностями населения». Деятельностью на рубеже XIX—XX вв., полагал Плеве, «русское самодержавие дало непререкаемое доказательство своей зрительной силы в области усовершенствования форм гражданственности», в очередной раз доказывая, что «величайшие социальные проблемы безмятежно и мирно разрешались в России благодаря условиям ее государственного строя»⁷⁹. Размышления Плеве важны не только потому, что он выражал точку зрения Николая II, но и по причине того, что Манифест 26 февраля 1903 г. являлся, хронологически и идейно, предшественником манифеста 17 октября 1915 г., к появлению которого был причастен Стэд.

Подготовка Манифеста 26 февраля 1903 г. началась еще в начале 1902 г., поскольку уже 16 апреля этого года Николай II вернул князю В.П. Мещерскому составленный им проект Манифеста и одобрил его «как мысль». В проекте самодержец, приоткрывая завесу тайны над своими либеральными взглядами, признавал свободу «нужную, как условие труда и жизни каждого из наших верно-подданных», а потому предписывал «разработать условия, на которых могла бы быть расширена разумная свобода слова и совести, в согласовании оной с духом нашей Церкви и государственного строя», причем в более поздней редакции упомянутым свободам посвящены особые пункты. Впрочем, 14 января 1903 г. царь информировал князя: «Статью о свободе слова я совсем вычеркнул. Она была бы несвоевременна»⁸⁰. Тем не менее в опубликованной редакции Манифеста Николай II объявлял, что «в неусыпных заботах о подданных Наших» обрел «пути к осуществлению народного блага в разуме приснопамятных дел державных Наших предшественников и, прежде всего, незабвенного родителя Нашего». Тем самым император установил преемственность не только между царствованиями отца и деда, но и между своей речью 17 января 1895 г. и Манифестом 26 февраля 1903 г., поскольку в речи также говорилось о служении монарха «благу народному».

Заявив, подразумевая Александра III, что Бог возложил на сына «священный долг довершить начатое Им дело укрепления порядка и правды в Русской земле в соответствии с возникающими потребностями народной жизни», Николай II нашел необходимым отметить особо, что обладает «непреклонной решимостью незамедлительно удовлетворить назревшим нуждам государственным». Делая зримый шаг по пути либерализации режима, император предписывал «укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в Основных законах Империи Российской, которые, благоговейно почитая Православную Церковь первенствующей и господствующей, предоставляют всем подданным Нашим инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной». Николай II выражал уверенность, что только при утверждении в семье, школе и общественной жизни «нравственных начал», «под сенью самодержавной власти», «могут развиваться народное благосостояние и уверенность каждого в прочности его прав». Император намеревался исполнить «помышления об усовершенствовании государственного порядка» «установлением прочного строя местной жизни, как главного условия преуспевания державы Нашей, на твердых основах веры, закона и власти»⁸¹.

По сути дела, Манифест 26 февраля 1903 г. декларировал, хотя и менее определенно, чем Манифест 17 октября 1905 г., необходимость упрочения гражданских прав. Не случайно, что консерватор князь А.Г. Щербатов, обращаясь к Николаю II в декабре 1905 г., заявил, что Манифест 26 февраля провозгласил «великие начала свободы народной», осуществляемые царем «ныне»⁸², т.е. после Манифеста 17 октября. «Если на Западе Европы несомненно успехи конституционализма ведут роковым образом к торжеству самого варварского деспотизма, — писал Мещерский, выражая мнение Николая II, в «Дневнике» за 24 июня 1903 г., — то для России настала минута увидеть, как укрепление самодержавия русского

должно вести к уничтожению последних элементов деспотизма и к торжеству свободы местной всенародной самодеятельности». Мещерский не скрывал своего восхищения тем, что с изданием Манифеста 26 февраля развернулась «работа правительства для укрепления самодержавия как источника свободы»⁸³. Таким образом, вопреки нелепым историографическим стереотипам, самодержавие, точнее — «истинное самодержавие», по мнению Николая II, не только не противоречило законности, свободе и гражданским правам, но и являлось их естественной предпосылкой.

Манифест 26 февраля свидетельствовал также, хотя и менее явно, что, с точки зрения царя, самодержавие было полностью совместимо и с народным представительством. Уже весной 1902 г., когда началась подготовка проекта Манифеста, сразу после получения Плеве портфеля министра внутренних дел его «первой мыслью было ввести в состав Государственного совета представителей высших слоев общества», в связи с чем он «извлек из архивов» соответствующие проекты предшественников по руководству МВД графов П.А. Валуева, М.Т. Лорис-Меликова и Н.П. Игнатьева и в тайне даже от своего окружения «знакомил» с ними Николая II, очевидно, встречая сочувствие с его стороны, а потому лелеял мысль «об установлении в России, хотя бы в зачаточной форме, конституционного правления»⁸⁴. Необходимо напомнить: валуевский и лорис-меликовский проекты подразумевали создание при Государственном совете аналогов нижней палаты — Съезда земских гласных и, соответственно, подготовительных и Общей комиссий, игнатьевский — созыв Земского собора.

Несмотря на завесу тайны проявлявшаяся Плеве и Николаем II реформаторская активность попала в поле зрения оппозиции: в номере «Освобождения» за 18 ноября 1902 г. печатаются сразу две статьи, посвященные этому! «В чиновничьих сферах Петербурга, — сообщалось в первой из них, — усердно распространяется слух, что г. Плеве повез к царю в Ливадию “конституцию Лорис-Меликова”». «Говорят, — информировала вторая статья, — что г. Плеве, уезжая из Петербурга в Ливадию, вытребовал из архивов бумаги по конституции Лорис-Меликова»⁸⁵. Что касается Земского собора, то уже 19 мая 1902 г. Плеве сообщил Суворину, что «очень сочувствует» идее созыва Собора «человек в 200–300», но находит это «несвоевременным»⁸⁶. Однако 2 апреля 1904 г. Плеве писал Кирееву: «Если Вы, Алексей Александрович, со своими друзьями предложите какую-либо формулу для созыва Земского собора и самого Собора, будет прекрасно»⁸⁷. Несмотря на все это, в том же «Освобождении» министр внутренних дел критиковался за реакционность!

Уже с Плеве Николай II обсуждал идею создания особого высшего выборного органа под названием «Государственная дума». Характеризуя план реформ, разработанный главой МВД по повелению царя, он говорил генералу князю В.Н. Орлову в октябре 1905 г., что «Государственная дума была им предусмотрена»⁸⁸. Осенью 1902 г., сообщал в октябре 1905 г. бывший военный министр генерал А.Н. Куропаткин генералу Н.П. Линевицу, «вопрос о Думе» даже возбуждался в Комитете министров, который составил соответствующий проект. Согласно

Куропаткину, на следующее заседание Комитета, посвященное обсуждению этого проекта, Николай II принес «свою записку со своим проектом»⁸⁹. В апреле 1904 г., подчеркивая, что «верхние дела» должны вершиться сообща в Боярской думе (Государственном совете) в присутствии государя», Плеве писал Кирееву, что делился с монархом мыслями «об усиленной Думе (очевидно — нижней палате. — С.К.), долженствующей заняться, पहले всего, вопросом финансовым»⁹⁰. Таким образом, создание в России в 1905—1906 гг. двухпалатного народного представительства предопределялось не столько влиянием Первой буржуазной революции, сколько предыдущей деятельностью лидеров правительственного либерализма.

На то, что он занимается подготовкой создания народного представительства, Николай II прямо намекнул в Манифесте 26 февраля 1903 г., выразив надежду, что ему удастся «исполнить Наши помышления об усовершенствовании государственного порядка» «при тесном единении всех верных сынов Отечества». В Манифесте 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы», напомнив, что в Манифесте 26 февраля он призвал «к тесному единению всех верных сынов Отечества для усовершенствования государственного порядка», Николай II признал: «И тогда озабочивала Нас мысль о согласовании выборных общественных учреждений с правительственными властями и об искоренении разлада между ними, столь пагубно отражающегося на правильном течении государственной жизни. О сем не переставали мыслить самодержавные цари, Наши предшественники. Ныне настало время, следуя благим начинаниям их, призвать выборных людей от всей земли Русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов»⁹¹. Таким образом, необходимость образования народного представительства Николай II напрямую связывал с решением проблемы отношений между властью и земством посредством увенчания последнего высшим выборным органом — Государственной думой.

Принципиальное значение имели и другие слова Николая II, обращенные им 6 июня 1905 г. к депутации оппозиционных съездов земских и городских деятелей непосредственно во время подготовки проекта законосоветательной «Булыгинской Думы»: «Пусть установится, как было встарь, единение между царем и всею Русью, общение между мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам». Что в данном случае подразумевались именно земские соборы, а не атрибуты абсолютизма, видно из проекта Манифеста 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы», составленного, как и речь императора 6 июня, одним из наиболее близких к Николаю II сановников, начальником Военно-походной канцелярии царя графом А.Ф. Гейденом. «На зов государей своих, — читаем в его проекте, — всегда, как один человек, вставала наша земля. И когда потребность была, держали государи русские совет с землею своею о государевых и земских делах и об устройении державы своей. Сей обычай заветный, с расширением пределов государства, с увеличением его населения и с осложнением потребностей государственных утратил постепенно свое бытие, и правдивому слову народа о нуждах его стал затруднен доступ к государю. Ныне же, внемля обращенному к Нам голосу земли и городов Державы

Русской и памятуя заветы и примеры венценосных предков наших, Мы признали за благо: дабы слышать Нам, как встарь, голос народа по делам законодательства и управления..., — доверив всему населению обширной державы нашей выбирать достойнейших из своей среды людей, учредить из них особое в государстве установление для разработки и обсуждения законодательных предположений, а равно и рассмотрения государственной денежной росписи»⁹².

Следовательно, когда 16 февраля 1906 г. Николай II говорил депутации самодержавно-монархической партии, что его самодержавие «останется таким, каким оно было встарь»⁹³, то он, вопреки домыслам современников и позднейших исследователей, подразумевал не отождествление самодержавия с абсолютизмом (формальной неограниченностью), а возвращение самодержавию старомосковского, исконного смысла (связанного прежде всего с неформальной ограниченностью, свойственной, кстати, королевской власти в Англии). Прилагательное «самодержавный» Николай II, министр Императорского двора генерал граф В.Б. Фредерикс, состоявший при особе его величества генерал О.Б. Рихтер и «многие лица из служилого класса и высшего общества», не «красные» и не «крамольники», понимали как «независимый от какой бы то ни было верховной власти, как этот титул и понимали в Московской Руси»⁹⁴. Действительно, согласно В.И. Далю, слово «встарь» означает «в старину», «в прежнее время», «в древности»⁹⁵ и никак не могло ассоциироваться у царя, хорошо знавшего русский язык, с XIX или XVIII в., т.е. с эпохой абсолютной монархии.

Учреждение Манифестом 6 августа 1905 г. законосовещательной Государственной думы Стэд и его единомышленники оценили весьма высоко. Манифест 6 августа, признавался Стэд, казался ему «и многим другим либералам всего мира зарей более светлого и счастливого дня для России и человечества. Это казалось началом нового режима свободы и прогресса»⁹⁶. Столь высокая оценка даже законосовещательной Думы объяснялась прежде всего тем, что для английских либералов вопрос о формально-юридическом придании нижней палате законодательных полномочий (что подразумевал Манифест 17 октября 1905 г.), не отличался принципиальностью, поскольку парламент Англии де-юре также был законосовещательным и его реальная сила базировалась не на законах, а на обычаях. Николай II знал об этой особенности политического строя Великобритании и, судя по всему как истый англичанин на русском троне намеревался привить ее и России, тем более, что мнение о сходстве обеих стран являлось общим местом славянофильской доктрины, в частности — в интерпретации Киреева.

В историографии «Булыгинская дума», на основе узко-формального анализа ее законосовещательного характера, третируется как «ненастоящая» и совершенно игнорируется проблема того, что в данном случае гораздо важнее не юридические, а фактические полномочия представительного органа, а они стали бы таковыми, что дает основание для утверждения: созданием даже законосовещательной Думы самодержавие в законодательстве было ограничено фактически и, тем самым, уже 6 августа была положена грань между абсолютной и конституционной монархией. Оппозиционные правоведа признавали, что по Закону 6 августа «Россия получила

народное представительство», а потому эта реформа «имеет громадное историческое значение: введя в область верховного управления наряду с единодержавием власть, опирающуюся на народное избрание, она тем самым, по справедливому указанию печати, пробила брешь в крепости, еще так недавно казавшейся неприступной»⁹⁷. «Россия после учреждения Государственной думы по Закону 6 августа 1905 г., — констатировал кадетский государствовед С.А. Котляревский, — уже коренным образом отличалась в смысле распределения сил между правительством и обществом от той, которая была раньше»⁹⁸.

Автор проекта «Булыгинской думы» С.Е. Крыжановский писал, что она заложила основы «нового законодательного строя, который, сколь ни прикрывался совещательным характером Думы, был решительным и почти бесповоротным шагом к насаждению конституционализма»⁹⁹. Закон 6 августа, подчеркивал Витте во всеподданнейшем докладе от 9 октября 1905 г., «вовсе не имеет в виду призвать к жизни учреждение, лишенное всяких прав; фактически решения Думы, например, по рассмотрению бюджета, могут стать прямо решающими»¹⁰⁰, а 15 октября откровенно говорил Николаю II, что на «путь конституции» он «уже вступил Манифестом 6 августа и сопровождавшими его законами»¹⁰¹. «В сущности, — характеризовал Витте «Булыгинскую думу» в мемуарах, — была установлена нижняя палата, и Россия вошла в конституционное устройство»¹⁰². С Витте оказался полностью солидарным не кто иной, как... лидер реакционеров В.А. Грингмут, упрекавший А.Г. Булыгина и его помощников (т.е., прежде всего, Крыжановского), что они выработали «самую банальную конституцию по западным шаблонам»¹⁰³. В данном случае склонный к утрированию ситуации консервативный идеолог отнюдь не перегибал палку.

«Реформу, дарованную государем, — сообщал Суворин в «Новом времени» 7 августа, — иностранные газеты называют конституцией»¹⁰⁴. Крупнейший специалист по конституционному праву, итальянский профессор Ф.-П. Контуччи в пособии, опубликованном позднее, утверждал, что 19 августа 1905 г. (по н. ст.) в России был опубликован «Императорский указ, содержащий Закон, который устанавливает Конституцию»¹⁰⁵. Получив известия о Манифесте 6 августа 1905 г., черногорский король Николай I, остававшийся неограниченным монархом, поинтересовался в присутствии секретаря русской миссии Ю.Я. Соловьева у драгомана П.А. Ровинского: «Не думаешь ли ты, Павло, что и мне пора дать своей стране конституцию?»¹⁰⁶. В Турецкой империи цензура запретила печатать известия об учреждении «Булыгинской думы», опасаясь, что «они возбудят в подданных султана свободолюбивые мечтания»¹⁰⁷. Не случайно консерваторы в явное нарушение царской воли сокрушались, будто «устанавливаемое Манифестом [6 августа] «единение царя с народом» не таково, каким оно было встарь, а потому едва ли может лечь в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам»¹⁰⁸. По компетентной оценке Крыжановского, правые «не без оснований» усматривали в «Булыгинской думе» «переходную ступень к конституционному, а затем и парламентскому строю»¹⁰⁹.

Высокая оценка Стэдом и другими иностранными либералами Манифеста 6 августа 1905 г. объяснялось еще и тем, что он напрямую подразумевал превращение

законосовещательной Думы в законодательную, причем вопрос об этом Николай II поставил в ходе подготовки Манифеста 6 августа. Приглашая 27 июля от имени царя на Совецание, занимавшееся выработкой его текста, Фредерикс сообщил Н.С. Таганцеву: в проекте Манифеста необходимо поместить слова монарха, сказанные им 21 июня (при приеме депутации от Отечественного союза и Союза русских людей), что «государь оставляет за собою законодательный почин в дальнейшем усовершенствовании Государственной думы» и «укажет те изменения, которые необходимо будет сделать в Учреждении Думы, чтобы закон вполне отвечал потребностям времени, жизни государства и благу народному». В проекте Манифеста, составленном А.Ф. Гейденом, а потому наиболее адекватно отражавшем воззрения самодержца, его просьба оказалась учтенной следующим образом: «Мы сохраняем всецело за Собою заботу о дальнейшем усовершенствовании Государственной думы, когда жизнь сама укажет Нам необходимость тех изменений в ее Учреждении, кои удовлетворяли бы вполне потребностям времени и благу государственному и народному»¹¹⁰.

В окончательный текст Манифеста 6 августа фраза из проекта Гейдена вошла почти дословно, но получила весьма важную, по своим последствиям, концовку: «Мы сохраняем всецело за Собою заботу о дальнейшем усовершенствовании Учреждения Государственной думы, и когда жизнь сама укажет необходимость тех изменений в ее Учреждении, кои удовлетворяли бы вполне потребностям времени и благу государственному, не преминем дать по сему предмету соответственные в свое время указания»¹¹¹. «Соответственные указания» последовали через два месяца — их содержал Манифест 17 октября 1905 г.

То, что Манифест 6 августа напрямую подразумевал акт, впоследствии вошедший в историю как Манифест 17 октября, не вызывало сомнений у современников самых разных политических направлений. «Государь, — отмечал А.С. Суворин 7 августа 1905 г., — обещает «дальнейшее усовершенствование» своей прекрасной реформы, а царское слово — верное слово»¹¹². Подразумевая Думу, председатель Центрального бюро Союза союзов П.Н. Милоков в тот же день в «Сыне Отечества» указывал, что «возможность ее дальнейшего изменения в духе, более соответствующем «потребностям времени», не исключена законом и прямо признана Манифестом. Все это такие политические завоевания, принципиальное значение которых огромно»¹¹³. Для оппозиционных правоведов было «чрезвычайно знаменательно, что в самом Манифесте об учреждении Государственной думы предвидится необходимость изменений согласно потребностям времени, в зависимости от указаний жизни»¹¹⁴. Манифест 17 октября, резонно полагали лидеры Союза 17 октября, являлся «дальнейшим развитием Закона 6 августа 1905 г. о Государственной думе»¹¹⁵. Трактовка Манифестов 6 августа и 17 октября как причины и следствия была характерна и для государственных деятелей.

В трех вариантах проекта Манифеста 17 октября, подготовленного главноуправляющим Канцелярией по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых бароном А.А. Будберггом и членом Государственного совета И.Л. Горемыкиным, имелась одна и та же фраза: «Признав своевременным установить

в законе порядок участия выборных от населения в законодательных трудах, мы утвердили Учреждение Государственной думы, сохранив за собою почин в дальнейшем усовершенствовании этого закона сообразно потребностям времени и благу государства»¹¹⁶. «Правительство, — обращаясь к Николаю II Витте в докладе, сопровождавшем издание Манифеста 17 октября, — должно следовать мысли, высказанной Вашим императорским величеством в Манифесте [6 августа] об образовании Государственной думы, что Положение о Думе подлежит дальнейшему развитию в зависимости от выяснившихся несовершенств и запросов времени»¹¹⁷.

Один из авторов проекта новых Основных государственных законов директор Александровского лицея А.П. Саломон отмечал в декабре 1905 г. во вступлении к своему проекту: «Приняв решение расширить прерогативы народного представительства, монарх вносил изменения в им же созданное Учреждение Государственной думы. Возможность этих изменений была предвидена и предуказана монархом в Манифесте 6 августа, и осуществление этих изменений сохранено монархом за собою»¹¹⁸. В относящейся к январю 1906 г. Мемории Совета министров по проекту «Временных правил о собраниях» говорилось об установлении Манифестами 6 августа и 17 октября «нового порядка рассмотрения законопроектов»¹¹⁹. В какой степени Манифест 26 февраля 1903 г. и последовавшие за ним реформаторские акты (указ 12 декабря 1904 г. и высочайший рескрипт 18 февраля 1905 г.) детерминировали появление Манифеста 6 августа, в такой и он обусловил появление Манифеста 17 октября, а все перечисленные документы, равно как и им предшествовавшие, стали результатом внутренней логики бюрократического реформаторства, развивавшегося не столько под влиянием оппозиционного или революционного движения, сколько параллельно, а зачастую — и вопреки им.

Русские оппозиционеры официально восприняли «Булыгинскую думу» крайне отрицательно, и накал их борьбы с властью после Манифеста 6 августа повысился еще более. В результате — 7 августа Центральное бюро нелегального Союза союзов во главе с П.Н. Милоковым было арестовано в полном составе на конспиративной квартире под Петербургом, формально — под предлогом того, что его члены обсуждали уже утвержденный закон о Думе¹²⁰. Указ 18 февраля 1905 г., разрешивший подобные обсуждения, впрочем — только легальным учреждениям, оказался отмененным накануне, с изданием Манифеста 6 августа, дабы отныне «виды и предположения по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния», восходили до верховной власти «порядком, в Учреждении Государственной думы установленном»¹²¹, т.е. в законодательном порядке. Но и без формальных поводов материал, полученный при обыске, дал «вполне достаточные основания» для установления «явно революционной деятельности» Союза союзов¹²². Милокова и других руководителей Союза союзов заключили в петербургскую тюрьму «Кресты», хотя, вспоминал Милоков, «в течение проведенного в тюрьме месяца нас ни разу не беспокоили допросами. И вообще, на тюремном режиме уже отразились новые веяния. Начальник тюрьмы (“Кресты”) проявлял все признаки либерализма»¹²³. Как увидим ниже, дело, конечно, было в начальнике, но не

тюрьмы, а... государства.

Манифест 6 августа и арест вожаков Союза союзов 7 августа побудили Стэда отправиться в Россию: его удивил «очень недружелюбный прием», оказанный Манифесту русскими оппозиционерами, «боязливыми и подозрительными после столь многих разочарований», но «еще с большей тревогой и горем» он узнал об аресте Милокова и его соратников — и в том, и в другом английский журналист увидел «жестокое недоразумение»¹²⁴. Стэд был знаком не только с Милоковым, но и с М.М. Ковалевским, который писал: «Когда Стэд услышал, что в России начался поворот в сторону представительных учреждений, он поддался вполне понятному, особенно для англичанина, чувству доброжелательной любознательности»¹²⁵. Однако дело заключалось не столько в «чувстве доброжелательной любознательности», сколько в обеспокоенности Стэда по поводу экстремистского поведения либералов в России, обеспокоенности, разделявшейся всеми английскими россиоведами.

Англичанам казались, отмечает А.Н. Зашихин, «не просто “экстравагантными”, а откровенно опасными» такие «действия либеральной оппозиции», как, например, двусмысленная позиция в отношении Бульгинской думы и «продолжавшееся заигрывание с революционными партиями». «Британские журналисты, симпатизировавшие либералам, — заключает исследователь, — пытались предостеречь их от поспешных и ошибочных, по их мнению, шагов»¹²⁶. Но если коллеги Стэда по ремеслу делали это опосредованно, в английских газетах и журналах, то Стэд как патриарх россиеведения решил не просто лично образумить оппозиционеров, но и навести мост примирения между ними и монархом. «Мне казалось трагическим положением, — мотивировал Стэд поездку в Россию, — что такой государь в самом акте самоограничения своего самодержавия увидел бы свои добрые намерения — неверно истолкованными и свою искренность — оспариваемой благодаря произвольным действиям, совершенно противоречащим всему духу Указа 6 августа». Стэд приехал в Петербург 12 августа с «глубоким убеждением в либеральных намерениях государя», желая раскрыть «секрет» об этих намерениях его подданным¹²⁷. И так, с одной стороны, журналист запланировал общение с Николаем II, а с другой — с лидерами оппозиции.

Как и в первый приезд в Россию, для организации встречи с императором Стэд обратился к Кирееву и Победоносцеву. «На днях, — записал 14 августа генерал, подразумевая обер-прокурора Синода, — он писал мне по поводу Стэда, которому я хотел доставить аудиенцию у царя»¹²⁸. Предваряя аудиенцию, в статье, опубликованной 19 августа в газете князя Э.Э. Ухтомского, друга юности царя, «Рассвет» и одновременно в журнале самого Стэда «Review of Reviews», он объявил, что создание Думы покрывает царствование Николая II «вечной и неувыдаемой славой»¹²⁹. Встреча монарха и журналиста произошла 1 сентября, когда Николай II отметил: «После чая принял старого знакомого W. Stead»¹³⁰. По свидетельству Стэда, аудиенция длилась полтора часа¹³¹, что подтверждает, со слов того же Стэда, Киреев, записавший: англичанин «был у царя целых 1 1/2 часа»¹³². Самая большая загадка, связанная с этим событием, — о чем же «старые знакомые»

столь долго говорили?»

В англоязычном рассказе о встрече с императором Стэд остановился только на человеческих качествах самодержца, подчеркнув, что снова был очарован его «простотой и искренностью»¹³³. Это соотносится с тем, что Стэд сообщил о Николае II Кирееву, который отметил: журналист нашел императора «самым очаровательным человеком, кристально честным, с лучшими намерениями», хотя «он не схватывает суть событий» (дневниковая запись от 7 сентября)¹³⁴. Последний упрек нельзя не воспринять иронически: можно по разному относиться к Николаю II, но он, постоянно живя в России, понимал «суть событий» все же лучше, чем приезжий иностранец. Не исключено, однако, что здесь проявился скептицизм не Стэда, а Киреева, которым уже с началом царствования Николая II начал овладевать «пессимизм», поскольку ему казалась очевидной «политическая неспособность нового императора», а потому от него генерал «с самого начала не ждал ничего хорошего», так что относительно царя у Киреева даже «вырывались очень резкие выражения»¹³⁵. Ни в одной из русских газет об аудиенции Стэд ничего не сообщил, только туманно упомянув о лицах, которые «милостиво пожелали» принять его¹³⁶. Естественно, что столь витиеватое выражение намекало на Николая II — о содержании беседы с монархом журналист вообще умолчал.

Согласно действовавшей вплоть до 1917 г. законодательной норме, регулировавшей придворную цензуру, «сочинения и статьи», в которых «излагаются изустные выражения Государя императора», могли печататься «не иначе, как с разрешения министра Императорского двора»¹³⁷. Норма эта относилась прежде всего к официальным мероприятиям с участием самодержца, но аудиенция, данная Николаем II Стэду, имела совершенно частный характер, а потому при всем своем желании донести до публики слова, сказанные во время нее царем, журналист не мог. Характерно, что даже сообщая о состоявшейся также 1 сентября, перед аудиенцией, встрече с министром иностранных дел графом В.Н. Ламздорфом, Стэд написал, да и то только для английского читателя: «У нас была долгая и приятная беседа — не для публикации, но я не злоупотреблю доверием, если скажу, что граф Ламздорф тепло говорил в пользу более тесных и дружественных отношений с Англией»¹³⁸. Поскольку Стэд не имел возможности передать содержание своей беседы с царским министром даже соотечественникам, не считая одной дежурной фразы, то информирование о мнениях царя русской публики было для иностранца вне всякого вероятия.

Впрочем, об общении с Николаем II Стэд рассказал вскоре после аудиенции Кирееву, дневниковые записи которого позволяют отчасти реконструировать содержание беседы царя и журналиста. Николай II заявил Стэду, что «рассчитывает на Думу» и «желает познакомиться с выдающимися членами Думы» (запись от 7 сентября)¹³⁹. Более того, монарх «прямо» сказал журналисту, что «Витте будет премьер-министром» (запись от 14 сентября)¹⁴⁰! Таким образом, назначение Витте председателем Совета министров Николай II предрешил по меньшей мере за полтора месяца до того, как 17 октября повелел новоиспеченному графу «принять меры к объединению деятельности министров, впредь до утверждения законопроекта о

Совете министров»¹⁴¹.

В свою очередь, Стэд «давал царю хорошие советы» (9 сентября)¹⁴², в частности — «объяснил необходимость дать свободу прессы, собраний, Habeas Corpus act (т.е. неприкосновенность личности. — С.К.), [свободу] совести», но, как в Англии, «под ответственность перед судом» за злоупотребление свободами (7 сентября)¹⁴³. Стэд, записал Киреев в другом месте, «объяснил царю: Дума должна во что бы то ни стало иметь четыре «ноги», разумея свободу совести, свободу слова, свободу собраний и свободу союзов», но, «конечно, с ответственностью перед законом» (16 сентября)¹⁴⁴. Очевидно, что политические рекомендации англичанина вызвали сочувствие у самодержца, тем более что он, по просьбе Стэда, согласился освободить Милюкова.

Подразумевая Стэда, Киреев записал, что генерал Д.Ф. Трепов, товарищ министра внутренних дел и петербургский генерал-губернатор, «по приказанию царя «дарит» ему арестованного Милюкова» (15 сентября)¹⁴⁵. Кстати, Николай II освободил из Крестов Милюкова второй раз: первый раз это произошло по ходатайству В.О. Ключевского в декабре 1902 г. после полумесячного заключения будущего кадетского лидера¹⁴⁶. Менее осведомленный, чем Киреев, М.М. Ковалевский ошибочно полагал, будто Стэд «добился» освобождения Милюкова от Трепова¹⁴⁷, но понятно, что самовольно подобные вопросы генерал решать не мог. Наконец, как сообщил Кирееву Стэд, он получил от императора «разрешение «держать конференцию», произносить речи где, когда и о чем желает!» (запись от 15 сентября)¹⁴⁸. Ковалевский снова ошибочно считал, что разрешение на это Стэд получил также от Трепова, однако был прав, когда, конкретизируя темы «конференций», вспоминал, что журналист получил право «разъезжать по России с лекциями о современном положении и защите, в частности, Булыгинской Думы»¹⁴⁹. Николай II возложил на Стэда миссию донести до русского общества политические планы царя, решившись на использование столь экстравагантного живого рупора, судя по всему в силу заведомой нейтральности статуса английского журналиста и безупречности его либеральных убеждений.

И все же — имеется уникальная возможность узнать исчерпывающим образом о том, что говорил Николай II Стэду во время их встречи. В середине сентября 1905 г., будучи в Москве, журналист два раза посетил редакцию «Русских ведомостей», где рассказал о своей беседе с Треповым. «В Петербурге, — сообщала редколлегия, — Стэд имел возможность говорить с лицами, руководящими ныне внутренней политикой России и составить себе известное представление о том курсе, которому эта политика предполагает следовать. Наиболее полные указания были получены им от генерала Д.Ф. Трепова, взгляды которого в настоящее время представляют немалое значение для русского общества»¹⁵⁰. Стэд встречался с Треповым дважды — 6 и 7 сентября¹⁵¹, и, несомненно, беседовал с ним на самые серьезные темы. Позволительно, однако, предположить, что в действительности Стэд рассказал в редакции о том, что ему говорил не Трепов, а... Николай II. Это предположение подтверждается сопоставлением дневниковых записей Киреева и московского рассказа Стэда, опубликованного в «Русских ведомостях» 15 сентяб-

ря. Не менее важно и то, что журналист предоставил себя императору в качестве живого рупора, ходячего послания, адресованного либеральной оппозиции.

Даже если Стэд действительно воспроизвел содержание беседы именно с Треповым, то характер генеральских откровений таков, что они могли быть сделаны только с «высочайшего соизволения». Когда в сентябре 1904 г. князь П.Д. Святополк-Мирский, вступая в должность министра внутренних дел, дал без санкции монарха несколько интервью в том числе и иностранным корреспондентам, управляющий Кабинетом его величества Министерства двора князь Н.Д. Оболенский предупредил Мирского: «государю не нравится, что он говорил с корреспондентами»¹⁵². Следовательно, и в этом случае в «Русских ведомостях» воспроизводятся мысли самого царя, только тогда в роли рупора его идей оказывается Трепов. Впрочем, между 1 и 6—7 сентября генерал докладов у императора не имел¹⁵³, а потому последнее предположение маловероятно. Это подтверждается и тем, что в сохранившихся докладах и записках Трепова Николаю II за август-сентябрь 1905 г. не имеется даже косвенных упоминаний о Стэде.

Примечательно и другое: 24 сентября 1905 г. Трепов представил Николаю II доклад, в котором рекомендовал «совершенно ясно и определенно выработать программу правительственных предначертаний в области разного рода реформ и предать таковую самой широкой гласности и распространению в народе». «В оповещении об означенных реформах, — полагал генерал, — желательно было бы подчеркнуть, что таковые исходят от правительства и затрагивают все стороны государственной жизни, так что оппозиционные партии в своих «платформах» ничего нового не вносят, кроме отвлеченных теорий государственного переустройства»¹⁵⁴. Но именно программу правительственных реформ Стэд развил перед редколлекцией «Русских ведомостей» еще в середине сентября.

«В правительственных сферах, — начинается этот единственный в своем роде императорский мэсидж, адресованный оппозиционерам, — сознают, что Россия переживает в настоящее время великий кризис и что положение опасно тем, что приходится одновременно считаться со многими крупными вопросами». Далее материал группируется по тематическим блокам — составным частям программы либеральных реформ Николая II, первое место в которой занимают социально-экономические преобразования.

В области крестьянского вопроса на повестку дня поставлены «4—5 главнейших вопросов», такие аграрные реформы, как: «1) уничтожение чересполосицы; 2) расширение деятельности Крестьянского банка и создание мелиоративного кредита для крестьян в целях облегчения им возможности приобретения сельскохозяйственных машин и введения других улучшений в обработке земли; 3) лучшая организация переселений; 4) меры к увеличению крестьянских наделов, причем до известной степени, — считал собеседник Стэда, — может быть применен и способ, рекомендуемый сторонниками национализации земли, поскольку это будет вызываться необходимостью».

Следующая важная проблема — народное образование, которое необходимо реформировать «так, чтобы все дети, рожденные в России, могли получить бесплатное

начальное образование», поскольку Россия «достаточно богата, чтобы осуществить этот идеал в недалеком будущем». Развитие системы средних школ «должно быть предоставлено обществу — земствам, городам, частным лицам, и правительство могло бы отстраниться от ближайшего их регулирования». Другое дело — университеты и вообще вузы, требующие «больших средств, которые может дать только правительство, обязанное иметь и необходимый контроль», но вместе с тем университетам «должна быть предоставлена свобода в организации их преподавания». Собеседник Стэда находил необходимым отменить служебные права, присвоенные университетским дипломам, дабы занятие должностей зависело «от выдержания соответственного государственного экзамена».

В качестве образца для решения рабочего вопроса представлен «опыт Москвы», т.е. так называемая «зубатовщина» (или «полицейский социализм») — развитие сети профсоюзов, подконтрольных властям. «В будущем, — подчеркивается далее, — желательно принять меры к организации во всех фабричных районах обществ для удовлетворения духовных потребностей рабочих». Не менее актуально, по мнению собеседника Стэда, и «усовершенствование и пополнение фабричных законов» и «создание для разрешения недоразумений между фабрикантами и рабочими посреднических инстанций или третейских судов».

После социально-экономического раздела реформаторской программы Николая II в центре внимания оказывается «ближайшая политическая программа правительства», сводящаяся «к созыву Государственной думы, на которую вообще возлагаются большие надежды». «Смотря по ходу дел, — и здесь налицо явная переключка с обещанием Манифеста 6 августа об учреждении Думы, — возможно, что в организации ее состава и функций потребуются, с течением времени, изменения и улучшения». Следовательно, на повестку дня ставятся вопросы о необходимости нового избирательного закона и о придании Думе законодательных полномочий, что подтверждается следующим пассажем. «Деятельность Думы, — откровенно признается фактически законодательный характер даже законосовещательной Думы, — будет иметь следствием перенесение на нее тяжести законодательной работы, подобно тому, как на судебные учреждения возлагается обязанность творить правосудие»¹⁵⁵.

Сравнение статуса Думы со статусом независимых судов, созданных в 1864 г., имело принципиальное значение. «В абсолютных государствах новейшего времени, — подчеркивал Г. Еллинек, — в более или менее широких пределах санкционирована ... самостоятельность суда по отношению к управлению»¹⁵⁶. Ограничение самодержавия реформой 1864 г. в области гражданского и уголовного судопроизводства признавали государствоведы (В.М. Гессен¹⁵⁷, П.Е. Казанский¹⁵⁸, Б.А. Кистяковский¹⁵⁹, Н.М. Коркунов¹⁶⁰, С.А. Котляревский¹⁶¹, Б.Н. Чичерин¹⁶²), государственные (К.И. Пален¹⁶³, И.Г. Щегловитов¹⁶⁴ и даже... К.П. Победоносцев¹⁶⁵) и общественные (М.Н. Катков¹⁶⁶, Ф.И. Родичев¹⁶⁷) деятели. Признавал это и Николай II. На состоявшемся 21 июля 1905 г. заседании Особого совещания, обсуждавшего, под его председательством, проект «Булыгинской думы», Н.С. Таганцев, намекая на судебные уставы 1864 г., прямо сказал, что

«самодержавная власть уже ограничила себя давно. Так, несменяемость судей, воспрещение приносить жалобы на решения Сената — все это ограничения, установленные верховной властью для того, чтобы облегчить правосудие»¹⁶⁸. В ответ на приведенные слова царь ответил молчанием, которое, очевидно, было знаком согласия.

Более всего с беседой Николая II и Стэда в передаче Киреева напрямую соотносится последний раздел императорского мэсиджа, начинающийся с утверждения, что Учреждение Думы «предполагает дополнение его рядом законов, обеспечивающих политическую свободу». «Что касается свободы собраний и союзов, необходимых в ближайшем будущем для выборной агитации, — говорится далее, — то по этому поводу уже работает Комиссия и соответственный законопроект будет на днях готов». Под «Комиссией» здесь подразумевается Особое совещание графа Д.М. Сольского для рассмотрения дополнительных к узаконениям о Государственной думе правил.

«По вопросу о свободе печати, — сообщил собеседник Стэда, — много работала Комиссия Кобеко, которою и будет представлен соответственный доклад». Здесь имеется в виду Особое совещание под председательством Д.Ф. Кобеко по делам печати.

«Остается, — читаем в мэсидже, — еще один важнейший вид свободы — свобода личности, то, что в Англии гарантируется Актом Habeas Corpus. В правительственных сферах этот вид свободы признается идеалом, к осуществлению которого надо стремиться, но который пока еще не может быть осуществлен... Тем не менее и в этом отношении предполагается кое-что сделать. Так, например, в продолжение предвыборной агитации мера лишения свободы должна применяться лишь в особенно важных случаях»¹⁶⁹. Это были не пустые слова. Подразумевая отношение министра внутренних дел к выборам в Думу в период до Манифеста 17 октября, Крыжановский вспоминал: «Булыгин ни во что не входил, ограничиваясь подписанием подносимых ему бумаг и распоряжением о полном невмешательстве губернских и уездных властей в ход выборов. И действительно, никакого вмешательства ни центральной власти, ни местных властей, никаких попыток использовать влияние правительства для достижения благоприятных для него результатов выборов в Думу за этот период времени ни принимаемо, ни делаемо не было. Все было предоставлено собственному течению, и поле оставалось открытым для деятельности враждебных правительству партий»¹⁷⁰. Между тем, «враждебные правительству партии» обвиняли его в давлении на выборы.

«По всей вероятности, — сообщал Стэду его собеседник, — в непродолжительном времени последует амнистия по большей части политических дел»¹⁷¹. Действительно, указ «Об облегчении участи лиц, впавших до воследования высочайшего Манифеста 17 октября 1905 г. в преступные деяния государственные»¹⁷² царь подписал 21 октября 1905 г. «Впрочем, — подчеркивалось в мэсидже, — и в настоящее время лишение свободы по политическим поводам производится не по произволу полицейских властей, а на основании определенных улик и по распоряжению начальствующих лиц»¹⁷³. Правдивость собеседника Стэда

удостоверяет адвокат и левый кадет М.Л. Мандельштам, который вспоминал, что до Московского декабрьского вооруженного восстания 1905 г. правительство, «говоря вообще, воздерживалось от произвольных арестов»¹⁷⁴.

Таков переданный Стэдом императорский мэсидж, содержащий тщательно продуманную программу широких социально-экономических и политических реформ и дающий право характеризовать реформаторскую политику Николая II как имеющую не случайный, а системный характер. Это верно, тем более что практически все преобразования, запланированные в мэсидже, были проведены, в законодательном или административном порядке, буквально в течение ближайших месяцев и лет¹⁷⁵, за исключением лишения университетских дипломов служебных прав, поскольку обсуждение нового Университетского устава IV Дума и Государственный совет затянули до Февральской революции 1917 г.

На следующий день после беседы с Николаем II, 2 сентября, «Русские ведомости» опубликовали статью Стэда «Английские либералы и монархия», содержание которой, как представляется, также было согласовано с Николаем II. Непосредственным поводом для статьи стало недовольство либеральных оппозиционеров тем, что царь пошел на заключение Портсмутского мирного договора с Японией, не получив одобрения специально созванных по такому случаю Земского собора или Государственной думы. Обосновывая «право короны на заключение договоров», Стэд ссылаясь на то, что «в конституционной Англии право короля на заключение договоров абсолютно и парламент отнюдь не может вмешиваться в подобных случаях». В этой области, подчеркивал Стэд, британский монарх пользуется «абсолютной властью, не спрашивая разрешения парламента». Доказывая, что английские министры, вопреки распространенному заблуждению, зависят не столько от парламента, сколько от общественного мнения, выявляемого посредством использования королем права на досрочный роспуск парламента, Стэд писал: «В Англии парламента избираются на семь лет, но до сих пор, в силу установившейся практики, в случае появления солидных признаков, что большинство нации желает перемены, министры всегда обращались к стране за возобновлением к ним доверия задолго до истечения семилетнего срока». Либералы «других стран», сокрушался Стэд, подразумевая прежде всего русских либералов, «не открыли еще великой истины, что королевская власть может являться действительнейшей гарантией прав демократии».

Указав на обладание английским королем не только правом досрочного роспуска Палаты общин, но и правом «создавать новых пэров», пополнять Палату лордов, в случае, если обе палаты не выражают истинного настроения страны, Стэд заключал: «Монарх — это острый меч английской нации для защиты ее свободы против реакционной олигархии». «Во второй половине 1860-х гг., — признавал Стэд, — монархия в Англии была непопулярна и среди англичан наблюдалось сильное антимонархическое движение». Более того: «Положение в Англии в 1865 г. имело некоторое сходство с современным положением России». Кризис английской монархии Стэд объяснял тем, что в 1860-е гг. «большинство нации оставалось вне конституции», т.е. не обладало избирательным правом, однако выходом из кризиса

оказалась реформа избирательного права 1867 г., приблизившая его к всеобщему: «Признание прав и свободы демократии повело непосредственно к реабилитации и возвышению английской короны». «В ограничении своей власти, — характеризовал Стэд дядю Николая II, Эдуарда VII, — он нашел свою силу»¹⁷⁶. Несомненно, что аргументы рассмотренной статьи звучали во время общения царя и журналиста и были приемлемы как для первого, так и для второго.

В день публикации статьи, 2 сентября, Стэд направился в Кресты, где встретился с Милоковым, с которым общался 45 минут¹⁷⁷. «Я, — вспоминал Милоков, — опаздывал к намеченному земскими конституционалистами Съезду, долженствовавшему «немедленно» отозваться на обнародование Булыгинского закона о Думе. Но добрые друзья решили отложить Съезд до моего освобождения»¹⁷⁸. Милоков умолчал, что его «добрым другом», более всего сделавшим для досрочного освобождения руководителя Союза союзов к открытию оппозиционного Съезда земских и городских деятелей, был Стэд, который встречался с Треповым 6 и 7 сентября¹⁷⁹ и ходатайствовал за Милокова¹⁸⁰. Трепов обещал Стэду освободить его протеже «через два-три дня» и действительно — уже 10 сентября уведомил англичанина, через своего адъютанта, о выходе Милокова на волю. На следующий день Милоков появился в гостинице «Европейской» на ланче у Стэда, который, наряду с публикацией статей в русской прессе, устраивал в «Европейской» и подобного рода мероприятия, выступая на них не только перед российскими общественными деятелями, но и заграничными парламентариями и бизнесменами. Один из таких ланчей и посетил 11 сентября Милоков¹⁸¹. Не вызывает сомнения, что Стэд посвятил Милокова в содержание своей беседы с Николаем II.

Для того, чтобы по поручению царя передать лидерам оппозиции оливковую ветвь мира, Стэд поехал в Москву для участия в Общероссийском съезде земских и городских деятелей, который заседал 12–15 сентября и имел целью выработку консолидированного мнения относительно «Булыгинской думы». В отличие от предыдущих съездов, сентябрьский съезд происходил явно по инициативе свыше, с разрешения московского генерал-губернатора генерала П.П. Дурново¹⁸², который, не желая запрещать съезд, остановился на компромиссном решении, командировав на него правителя своей Канцелярии А.А. Воронина. «Это был, — по воспоминаниям В.А. Маклакова, — человек порядочный и разумный; он ничему не мешал, а своим присутствием за особым столиком придавал съезду полуофициальный характер»¹⁸³. «Воронин, — вспоминал другой участник съезда, Н.И. Астров, — сидел в углу, под образами, слушал, записывал что-то, не вмешивался в работу съезда. Все попросту забыли про него»¹⁸⁴.

Успеху миссии Стэда, казалось бы, должно было способствовать то, что членами Организационного бюро съезда оказались избраны его друзья — Ковалевский и Милоков¹⁸⁵, от которых он имел право ожидать по отношению к своей миссии если не полного сочувствия, то, по крайней мере, благожелательного нейтралитета. Первые успехи окрылили англичанина, и когда 13 сентября он узнал, что в московских газетах опубликованы цензурированные отчеты о заседаниях съезда, то телеграфировал об этом Трепову, и генерал приказал отменить цензуру¹⁸⁶.

Звездный час Стэда наступил 15 сентября, когда в московском особняке князя Павла Д. Долгорукова он выступил перед частным собранием в 150 человек, созванном специально по случаю приезда журналиста¹⁸⁷, с рефератом «Дума с точки зрения англичанина», русский перевод которого зачитал председатель собрания Милюков¹⁸⁸. Обращаясь к лидерам оппозиции, У.Т. Стэд заявил совершенно недвусмысленно — 6 августа власть «пригласила вас к миру»¹⁸⁹. «Помню, — писал уже на склоне лет Маклаков, — эту спокойную речь старого англичанина, знавшего по опыту своей великой страны, что не все сразу дается, что практика вкладывает в старые формы новое содержание, что жизнь и работа научат всех и всему»¹⁹⁰. Устами Стэда как бы вещала сама многовековая английская конституционная традиция, к числу ревностных почитателей которой опрометчиво и... безосновательно причисляли себя большинство его слушателей.

Отвечая на вопрос о том, считается ли Учреждение Думы 6 августа 1905 г. «окончательным», Стэд, уполномоченный Николаем II, заявил: «К счастью, Манифест [6 августа] дает на этот вопрос определенный ответ. Нынешнее устройство Думы признается не окончательным; дальнейшее улучшение организации Думы прямо имеется в виду, и мы имеем, следовательно, полную возможность смотреть на Думу как на весьма интересный и многообещающий предварительный опыт в области экспериментальной политики... Это только начало, первый шаг и, на мой взгляд, очень смелый шаг вперед, к созданию выборного представительного учреждения, могущего, со временем, вполне соответствовать и удовлетворять всем нуждам и стремлениям русского народа»¹⁹¹. «Мы, — вспоминал Ковалевский, — никак не могли понять, чего ради он взял на себя миссию объяснять русским высокие качества придуманных для них государственных порядков, — он, англичанин, которому, по тому самому, было яснее все несовершенство Булыгинской конституции»¹⁹².

Стэд соглашался с лидерами оппозиции в том, что «Булыгинская дума» отнюдь не является верхом совершенства. «Нельзя не признать, — говорил он, — что проект [Думы] полон анахронизмов, непоследовательностей и часто нелогичен. Но не следует забывать, что англичанам в 600 лет не удалось избавить учреждение своего парламента от тех же недостатков. Ничто в мире не совершенно, почему же предполагать, что русские составят в этом смысле исключение». В отличие от русских оппозиционеров, доктринеров до мозга костей, Стэд как истый англосакс, прагматик и эмпирик, оценивал «Булыгинскую думу», используя в качестве критерия ее оценки не отвлеченные идеи конституционализма, нигде и никогда не нашедшие своего полного и одновременного воплощения, а сравнение с современными ему политическими реалиями конституционных монархий и демократических республик. Исходя из этого, Стэд утверждал, что «популярная в России идея о замене самодержавной власти во всей полноте ее палатой непосредственных представителей не находит оправдания в истории Англии и Америки». Речь, таким образом, шла о нецелесообразности для России замены лежавшего в основе ее государственного порядка принципа монархического суверенитета принципом народного суверенитета. Ведь в Англии, напоминал Стэд общеизвестные факты, нет всеобщего избиратель-

ного права, а в США женщины, составляющие половину населения, вообще лишены права голоса!

Если в России Учреждение «Бульгинской думы» разрешает публичность ее заседаний, то в Англии «до сих пор посторонняя публика не имеет права присутствовать» на заседаниях Палаты общин. В «Бульгинскую думу» могли быть избраны представители всех народов, населяющих Россию, англичане же «не допускают до сих пор в свой парламент своих азиатских подданных, даже с совещательным голосом». И снова, как и в опубликованной 2 сентября статье «Английские либералы и монархия», Стэд возвращался к сути политического кредо, разделявшегося не только им, но и Николаем II: «Власть монарха есть запасное оружие в руках демократии». Как и во время беседы с императором 1 сентября, Стэд сравнил Думу с конем, которому царь должен даровать четыре ноги и голову. Четыре ноги — это четыре свободы: печати, собраний, союзов и «свобода от произвольных арестов», а голова — облеченный доверием царя министр, являющийся выразителем монаршей воли и ответственным за своих коллег перед Думой¹⁹³. Выступая 15 сентября «защитником Бульгинской конституции», Стэд, отмечал Маклаков, доказывал, что, «несмотря на ее недостатки, из нее может вырасти настоящая конституция, что не только бойкот, но даже попытка взрыва Бульгинской думы изнутри плохая политика»¹⁹⁴. Как отреагировали на выступление Стэда русские оппозиционеры, мнившие себя лучшими учениками школы английской политической мудрости?

Прения по реферату открыл Ковалевский, который заявил, что отрицательная оценка его единомышленниками «Бульгинской думы» обуславливается «не одним недоверием к власти, а самой постановкой этого учреждения»¹⁹⁵. Между тем в своих воспоминаниях Ковалевский признавал, что «Бульгинская дума» являлась «шагом вперед сравнительно с тем проектом собрания сведущих людей, которое задумано было графом Лорис-Меликовым». «В проекте Бульгина, — по наблюдениям Ковалевского, — все же можно было прочесть обещание необходимых вольностей и публичных прав граждан... Мне казалось, что уж этим одним Бульгинская дума могла привлечь к себе некоторые симпатии. Ею разрывалась цепь, связующая нас с бюрократическим самовластием и «временными правилами»... Наступал конец произволу министров... Бульгинская дума наносила ему некоторый удар. Да и сановники, заседавшие в Государственном совете, должны были подозрительно относиться к новому органу, заставлявшему их считаться впредь со своей деятельностью, если не с голосом «всей земли», то с некоторыми определенными и влиятельными общественными кругами»¹⁹⁶. Тем не менее 15 сентября в явном противоречии с разделявшимися им взглядами Ковалевский отказался от поддержки Стэда, не удостоив Бульгинскую думу положительной оценки.

Случай Ковалевского показывает, насколько был силен массовый психоз, охвативший лидеров оппозиционного движения под влиянием развития революционного движения, если даже такой незаурядный общественный деятель поддался стадному инстинкту. Характеризуя реакцию слушателей Стэда, Маклаков отмечал: «Его доводы не доходили до разума общества. Стэда обдали потоками

искреннего и красноречивого негодования»¹⁹⁷. «И действительно, — признавал Ковалевский, — то, что ему пришлось выслушать от нас, было настоящей отповедью»¹⁹⁸. Описывая обсуждение реферата Стэда, Маклаков меланхолически заключал: «Было красноречие, подъем, остроумие, которые признал и сам Стэд; они тонули в аплодисментах, которые общество само себе раздавало, не думая, как невелика та среда, которая себе рукоплещет, так мало в России людей, которые понимают серьезно, что такое Дума и конституция... Общество радовалось словесной победе над Стэдом, как будто этим оно победило самодержавие»¹⁹⁹. Таким образом, на собрании 15 сентября снова проявилась разница между отвлеченным доктринерством русских оппозиционеров и трезвым прагматизмом английских либералов, действительным учеником которых, по иронии истории, оказывался... Николай II, а не Милюков.

Закрывая прения, председатель собрания, тот же Милюков, заявил, что «едва ли удобно принимать какую-либо резолюцию на настоящем собрании, специально разрешенном английскому журналисту», который, якобы, пытается «сочетать абсолютизм с либерализмом»²⁰⁰. Однако в статье, опубликованной в газете «Сын Отечества», не далее, как 7 августа, Милюков, разбирая «основные недостатки» Закона о Булыгинской думе, указывал и на «его преимущества перед прежними не осуществившимися предположениями». Выступая против бойкота законосовещательной Думы, Милюков находил должным «признать провозглашенный законом принцип как приобретение, — наше приобретение» и «проводить в жизнь его последствия, как мы их понимаем». «Говорить же, — отмечал Милюков, — что мы ничего не приобрели с изданием закона, значило бы помогать его противникам справа»²⁰¹. Между тем 15 сентября он оказался в числе противников Булыгинской думы слева!

Собрание отклонило предложенный Стэдом проект резолюции, который содержал одобрение Учреждения законосовещательной Думы и пожелание о даровании властью четырех свобод и полной амнистии²⁰². Вместо этого в принятом 15 сентября официальном обращении съезда земских и городских деятелей к избирателям им предлагалось «объединиться около следующей краткой и определенной избирательной программы»: «1) Обеспечение прав личности, свобода слова и печати, свобода сходов, собраний, союзов. 2) Установление выборов на основе всеобщего избирательного права. 3) Решающий голос Думы в законодательстве и право действительного контроля над бюджетом и администрацией»²⁰³. Нетрудно заметить, что все три пункта обращения генетически связаны с политической частью реформаторского проекта Николая II, изложенного Стэдом в редакции «Русских ведомостей» как раз накануне выработки и принятия обращения²⁰⁴. Следовательно, триада, содержащаяся в Манифесте 17 октября 1905 г., воспроизводила не требования сентябрьского съезда, а ключевые пункты программы реформ императора, презентованной лидерам оппозиции Стэдом, и это — вполне объяснимо.

В 1905 г., впрочем — как ранее, так и позднее, «бескомпромиссные противники» самодержавия в целях увеличения своего политического капитала публично выставляли себя инициаторами реформ, осуществлявшихся властью, якобы, не по собственному

почину, но лишь под их давлением. Однако история с миссией Стэда показывает, что в действительности оппозиционеры, ведя беспроигрышную игру, ставили перед властью только такие требования, относительно которых они знали точно, что сама власть готова пойти на их удовлетворение если не сейчас, то в обозримом будущем.

Впрочем, обусловленность реформаторской программы оппозиции реформаторской программой власти оппозиционеры признавали открыто. Так, В.Е. Якушкин, выступая на заседании съезда 12 сентября, прямо сослался на слова Манифеста 6 августа «О дальнейшем усовершенствовании Учреждения Государственной думы, когда сама жизнь укажет необходимость тех изменений в ее Учреждении, которые удовлетворяли бы вполне потребностям времени и благу государственному», в обоснование того, что «мысль о возможно скорейшей постановке народного представительства в уровень с потребностями времени и государственным благом должна быть выдвинута вперед как основная задача текущего момента»²⁰⁵. Характерно, что в официальных документах сентябрьского съезда оппозиционеры фигурировали как «герон-одиночки».

«Российские либералы, — отмечает А.Н. Зашихин, — не только отказывались внимать наставлениям умудренных историческим опытом британцев, но отвергали все их советы, как казалось западным наблюдателям, с поразительным и безрассудным единодушием»²⁰⁶. Конечно, поведение «российских либералов» объяснялось их политической незрелостью, выразившейся, однако не столько в том, что они напрочь игнорировали реформаторские планы правительства (в частности, благодаря Стэду либералы в сентябре 1905 г. постоянно держали руку на пульсе власти), сколько в том, что они, строго следуя в действительности этим планам, официально декларировали свою независимость от правительства, не желая делить с ним лавры за те или иные реформы и, тем самым загоняя себя, вопреки собственной ментальности, в угол внесистемной оппозиции.

Стэд, привыкший к старой доброй английской традиции отношений правительства и оппозиции, подразумевавшей конфронтацию, зачастую весьма острую по частным вопросам, и компромисс, иногда довольно труднодостижимый относительно главных, не пришелся ко двору на сентябрьском Съезде и, махнув рукой на оппонентов, уехал в Саратов, где выступал с лекциями в защиту законосовещательной Думы. Однако там его деятельность, не без иронии вспоминал Ковалевский, «разумеется, не имела ни малейшего успеха»²⁰⁷. Причина неудачи англичанина заключалась не в содержании его лекций, а в том, что в это время Стэд подвергся настоящей травле в оппозиционной прессе — в ней он высмеивался как «парламентер русских официальных сфер» (выражение «благодарного» Милюкова), «непрощеный примиритель» и даже... «современный Хлестаков»²⁰⁸. Хотя истинными Хлестаковыми стали лидеры оппозиции, объявившие Манифест 17 октября 1905 г. результатом своей титанической деятельности, поскольку, де, внешне он воспроизводил основные положения, принятые сентябрьским съездом, хотя как-то сразу забылось то деликатное обстоятельство, что сами эти положения копировали пункты реформаторской программы Николая II, сообщенной им Стэду.

Но и независимо от изучения миссии английского журналиста мнение о том,

что Манифест 17 октября вырвала у власти Всероссийская политическая стачка, чем дальше, тем больше выглядит каким-то примитивным мифом. Еще Витте, беседуя 13 ноября 1907 г. с французским филологом П. Буайе, «категорически отвергал» тезис о том, что Манифест 17 октября «был вырван у правительства страхом»²⁰⁹. В своих воспоминаниях Витте писал совершенно недвусмысленно: утверждение, что Манифест 17 октября «вырван», — «ложно»²¹⁰. Тому же Буайе Витте говорил, что «Манифест был дан царем потому, что он этого вполне хотел, в виду бедствий, обрушившихся на Россию — Русско-японская война, внутренние смуты, стремление преодолеть их без кровопролития»²¹¹. А в воспоминаниях Витте снова выказывал еще большую категоричность: «...я думаю, что, в сущности, нет и не может быть ни одного человека добросовестного, который акт 17-го октября мог понимать иначе, как добровольную конституционную хартию»²¹². С Витте солидаризировался Маклаков, отмечавший, что «в 1905 г. обещание, а потом и дарование конституции были актами самой исторической самодержавной власти, от нее исходящими и на нее опиравшимися, словом, по форме были совершенно нормальным преобразованием государства»²¹³. Вообще Маклакову принадлежит наиболее тонкий анализ проблемы «Николай II и Манифест 17 октября».

Подразумеваемая статью 47 прежних Основных законов о правомочном самодержавии, Маклаков так объяснял позицию царя накануне и во время дарования Манифеста: «В самом прежнем самодержавии, по его убеждению, был зародыш того, что называлось в общежитии “конституцией”; для перехода к ней, поэтому, было достаточно простой “эволюции”. Именно поэтому государь и мог так неожиданно легко с ней помириться... Общество считала, что в 1905 г. произошла “революция”, что новый строй явился полным отрицанием старого, ибо он покоился на других основаниях. Со своей точки зрения она могла быть права. Но государь, его окружение и громадная масса народа понимали иначе. Разрыва с прошлым они не усматривали; во главе государства осталась стоять та же привычная власть, тот же государь с освященными и историей, и церковью титулами. Государь дорожил этим народным воззрением и не хотел его «разрушать». Для спокойствия России оно было только полезно, если даже по существу в строении государства и совершилась глубокая перемена. И, кроме того, со стороны государя это не было “благочестивым обманом”; он сам действительно так понимал перемену. Она, в его представлении, не разрывала с историческим прошлым... С этой точки зрения что было сделано в 1905 г.? Государь установил новое самоограничение. Он постановил, что впредь “ни один закон не будет им издаваем без согласия Думы”. Это очень важное самоограничение, но оно само по себе идеологии самодержавия не нарушало... При таком понимании Манифест 17 октября мог быть изображен не как разрыв с историческим прошлым, а как простое его развитие... Никакой конституционной идеологии для его объяснения не было нужно... Эта конституция, конечно, помогла Николаю II искренно принять “конституцию”»²¹⁴.

Пером авторитетного, осведомленного и, главное, политически нейтрального современника подтверждается высказанное нами ранее²¹⁵ мнение о том, что Манифест 17 октября 1905 г. явился следствием не столько оппозиционного или революционного

движения, сколько проявления политических воззрений царя, который совершенно сознательно стремился внедрить в России английскую модель конституционализма, подразумевавшую фактическое, без письменного закрепления, а не формальное ограничение, точнее — самоограничение, самодержавия, действующего совместно с законосовещательной Государственной думой. Впрочем, Николай II, будучи прагматиком, а не доктринером, допускал возможность и формального ограничения самодержавия путем превращения законосовещательной Думы в законодательную (что имел в виду уже Манифест 6 августа), однако в качестве предварительного варианта предложил оппозиции, используя миссию Стэда, английскую модель и только после отвержения оппозиционерами этой модели согласился, ради достижения компромисса с ними, на введение германской модели, подразумевавшей формальное ограничение самодержавия в законодательстве.

Ну а что же Стэд? Разочарованный в «русских друзьях» из числа лидеров оппозиции, он уехал из России пароходом, на котором прибыл в Копенгаген 23 октября (5 ноября)²¹⁶. В июле 1906 г., после роспуска революционной I Думы и подписания ее депутатами Выборгского воззвания, он в своем «Обзрении» «дал ответ» мятежному парламенту²¹⁷, еще раз доказав, что кадетский либерализм напрашивался в родственники к английскому либерализму явно по недоразумению. Впоследствии Стэд приезжал в Россию в июле 1908 г. и встречался с П.А. Столыпиным, его товарищем по должности министра внутренних дел А.А. Макаровым и министром иностранных дел А.П. Извольским, подготовив, на основании беседы со Столыпиным, статью о его внутренней политике. Стэд надеялся встретиться с народным социалистом Н.В. Чайковским и кадетом В.Д. Набоковым, однако Столыпин отказал ему в этом, поскольку, писал он Извольскому, «по нашим законам, отбывающим наказание в тюрьмах и заключенным, о которых производится предварительное следствие или дознание, разрешаются свидания лишь с ближайшими родственниками»²¹⁸. Интервью Стэда со Столыпиным и Макаровым было опубликовано в петербургских газетах 26 июля 1908 г. и вызвало неоднозначную реакцию.

«Сплошное какое-то недоразумение, а вернее, даже чепуха, — характеризовал интервью гофмейстер Высочайшего двора граф И.И. Толстой, отличавшийся радикальными взглядами. — Столыпин заявил, что наступило полное “успокоение”, но если, мол, прекратить смертные казни, то все, занимающие выдающиеся посты, рискуют быть убитыми. Числа казненных ни Столыпин, ни Макаров не знают, так же как и числа административно сосланных (!), но оба “думают”, что публика сильно преувеличивает их количество!... И т.д. Вообще, если Стэд не наврал, то интервью напоминает скорее таковые с персидскими или турецкими сановниками, чем с западноевропейскими. Qui veut-on tromper ici? (Кого они хотят обмануть? — фр.)»²¹⁹. Очевидно, негативная реакция Толстого была адресована не Стэду, а сановникам, которых он интервьюировал, хотя черносотенные публицисты, в свою очередь, отрицательно оценивали самого высокопоставленного из всех лиц, интервьюированных Стэдом, а именно — Николая II. П.Ф. Булацель ставил в заслугу Александру III то, что при нем «никакие международные знаменитости,

никакие английские писатели ... не могли ... влиять на ход внутренней и внешней политики России»²²⁰. Возможность участия Стэда в новой миссии по наведению мостов между самодержавием и его оппонентами перечеркнула его трагическая гибель на печально знаменитом «Титанике». Откликаясь на это событие, Толстой записал 5 апреля 1912 г., что «погибли 1500 человек, в том числе известный английский журналист Стэд»²²¹.

Милюков однажды вспомнил «недоуменный вопрос культурного англичанина Вильяма Стэда после одной из ... политических бесед». «Неужели вы, — спросил Стэд Милюкова, подразумевая Николая II, — с ним никогда не говорили, не пробовали убедить?» «Англичанину, — удивлялся Милюков, — это казалось так естественно и просто, так неизбежно вытекало из простого здравого смысла. А здесь встречались два мира, без всякой способности и возможности понимания, обреченные на конфликты, на борьбу, не знающие других средств, кроме истребления друг друга»²²². Думается, что Милюков сознательно извращал историческую действительность, делая это тем более беззастенчиво, что уж ему-то вся подноготная с историей миссии Стэда была известна с исчерпывающей полнотой. Трагедия России XX в. состояла в том, что в ней действительно сосуществовали два мира, олицетворяемые Николаем II и Милюковым, только первый мир, исполненный духа компромисса, стремился к нему даже тогда, когда противная сторона использовала компромисс против его инициатора, а второй мир, одержимый духом борьбы, вел ее с противником тем ожесточеннее, чем явственнее чувствовалось ослабление сопротивления — вплоть до политического самоубийства победителя.

¹ См. об этом акте: *Островский А.В., Сафонов М.М.* Манифест 17 октября 1905 г. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* 1981. Т. 12; *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 192–222.

² *Whyt F.* The Life of W.T. Stead. Vol. 1–2. N–Y.; Boston; L., 1925. Vol. 2. P. 271–278.

³ *Baylen J.O.* W.T. Stead and the Russian Revolution of 1905 // *Canadian Journal of History.* 1967. Vol. 2. № 1.

⁴ *Зашихин А.Н.* 1) Уильям Стэд и провал его «миссии» в России осенью 1905 г. // *Научная биография — вид исторического исследования (По мат-м истории рабочего класса СССР, революционного и освободительного движения).* Л., 1985; 2) «Глядя из Лондона»: Россия в общественной мысли Британии. Вт. пол. XIX — нач. XX в. Архангельск, 1994.

⁵ *Кустарев А.С.* Незванный примиритель: У.Т. Стэд в России — сентябрь 1905 г. // *Славяно-германские исследования.* Т. 3. От имен к фактам. СПб., 2008.

⁶ *Ковалевский М.М.* Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 341, 342.

⁷ *Киреев А.А.* Дневник. 1905–1910. М., 2010. С. 88.

⁸ [*Новикова О.А.*] Депутат от России. Воспоминания и переписка О.А.

Новиковой. В 2-х т. / Сост. В.Т. Стэд. Пг., 1915. Т. 2. С. 89–98.

⁹ О.А. Новикова – К.П. Победоносцеву. Весна 1888 г. // К.П. Победоносцев и его корреспонденты. В 2-х т. Минск, 2003. Т. 2. С. 441.

¹⁰ *Зашихин А.Н.* Глядя из Лондона. С. 113–114.

¹¹ *Stead W.T. Truth About Russia. L., 1888*

¹² *Зашихин А.Н.* Указ. соч. С. 12.

¹³ *Киреев А.А.* Учение славянофилов. М., 2012. С. 197, 198, 202.

¹⁴ *Лоу С.* Государственный строй Англии. М., 1910. С. 385.

¹⁵ *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989. С. 158.

¹⁶ *Клей К.* Король, кайзер, царь. Три монарших кузена, которые привели мир к войне. М., 2009. С. 67, 80.

¹⁷ *Мордвинов А.А.* Воспоминания // Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 61.

¹⁸ *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886–1890. Минск, 2003. С. 272.

¹⁹ См. подробн. о нем: *Чарыков Н.В.* Карл Осипович Хис. Биогр. очерк. СПб., 1902.

²⁰ *Извольский А.П.* Указ. соч. С. 158.

²¹ *Данилов Ю.Н.* Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 420.

²² *Шульгин В.В.* Дни. 1920. М., 1989. С. 239–240.

²³ *Обнинский В.П.* Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992. С. 12–13.

²⁴ *Извольский А.П.* Указ. соч. С. 158.

²⁵ *Граф Г.К.* На службе Императорскому дому России. 1917–1941. Воспоминания. СПб., 2004. С. 480.

²⁶ *Обнинский В.П.* Указ. соч. С. 12–13.

²⁷ *Ден Л.* Подлинная царица. *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. М., 1998. С. 24.

²⁸ *Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 272.

²⁹ *Гейкинг А.А.* Англия, ее государственный, общественный и экономический строй. СПб., 1909. С. 18, 21, 37, 65, 67.

³⁰ *Извольский А.П.* Указ. соч. С. 158.

³¹ *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 199.

³² *Жевахов Н.Д.* Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. В 2-х тт. М., 1993. Т. 1. С. 56.

³³ *Мордвинов А.А.* Указ. соч. С. 62.

³⁴ *Ден Л.* Указ. соч. С. 55.

³⁵ *Бьюкенен Д.У.* Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М., 2006. С. 256–257.

³⁶ *Чарыков Н.В.* Указ. соч. С. 13.

³⁷ *Шереметев С.Д.* Мемуары. М., 2001. С. 288–289.

- ³⁸ Клей К. Указ. соч. С. 132.
- ³⁹ Мейендорф В.М. Мемуары фрейлины императрицы. М., 2012. С. 85.
- ⁴⁰ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 211.
- ⁴¹ Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 597.
- ⁴² The Review of Reviews. 1894. Vol. 10. November 15.
- ⁴³ История российской монархии (Коронационный сборник 14 мая 1896 г.). М., 2011. С. 254.
- ⁴⁴ Колышко И.И. Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. С. 39, 40.
- ⁴⁵ Николай II. Полн. собр. речей. 1894–1906. СПб., 1906. С. 7.
- ⁴⁶ Евреинов Г.А. Реформа высших государственных учреждений России и народное представительство. СПб., 1905. С. 58.
- ⁴⁷ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С. 107.
- ⁴⁸ Мемуары. События и люди. 1878–1918. [Вильгельм II] Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914. Бисмарк, фон О. Вильгельм II. Воспоминания и мысли. М., 2007. С. 285.
- ⁴⁹ Там же. С. 265–266.
- ⁵⁰ Палиенко Н.Н. 1) Суверенитет. Ярославль, 1903. С. 311; 2) Основные законы и форма правления в России. Юридическое исследование. Харьков, 1910. С. 28, 33.
- ⁵¹ Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 332.
- ⁵² Шаховской Д.И. Избранные статьи и письма. 1881–1895. М., 2002. С. 100–101. Ср.: Новое время. 1895. 18 января.
- ⁵³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. В 2-х тт. СПб., 2003. Т. 2. С. 188.
- ⁵⁴ Николай II. Указ. соч. С. 6.
- ⁵⁵ Российское законодательство X–XX вв. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 272.
- ⁵⁶ Савич Г.Г. Новый государственный строй России. Справочная книга. СПб., 1907. С. 6–8.
- ⁵⁷ Свод Основных государственных законов. Изд. 1892 г. С. 11.
- ⁵⁸ Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1908. Т. 1. С. 219, 457.
- ⁵⁹ Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 30–31, 31–32.
- ⁶⁰ Киреев А.А. Указ. соч. С. 49, 50.
- ⁶¹ Никольский Б.В. Дневник (1905–1907) // Красный архив. 1934. Т. 63. С. 74–75.
- ⁶² Савич Г.Г. Указ. соч. С. 12.
- ⁶³ Киреев А.А. Указ. соч. С. 344.
- ⁶⁴ Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность. Монреаль, 1983. С. 152.

⁶⁵ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в кон. XIX в. Л., 1973. С. 221–222.

⁶⁶ Любимов Д.Н. Памяти В.К. Плеве. СПб., 1904. С. 27–28.

⁶⁷ Никольский Б.В. Указ. соч. С. 74–75.

⁶⁸ Петергофские совещания. Пг., 1917. С. 22.

⁶⁹ Елчанинов А.Г. Царствование государя императора Николая Александровича. СПб., 1913. С. 119–120.

⁷⁰ См. подробн.: Рыбаченок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 г. в Гааге. М., 2005.

⁷¹ Г.Г. Данилович – А.Н. Куломзину. 29 августа 1898 г. // РГИА. Ф. 1642 (А.Н. Куломзин). Оп. 1. Д. 279. Л. 10.

⁷² Зашихин А.Н. Указ. соч. С. 116.

⁷³ Robyedonostseff K.P. Reflections of a Russian Statesman. L., 1898.

⁷⁴ Николай II. Дневники (1894–1918). В 2-х т. М., 2011. Т. 1. С. 438.

⁷⁵ Письмо В.Т. Стэда «Arologia pro vita mea» («В защиту моей жизни») // Русские ведомости. 1905. 16 сентября. Впервые это «Письмо» было опубликовано 14 сентября 1905 г. в газете «Слово».

⁷⁶ Волконский С.М. Мои воспоминания. В 2-х тт. М., 1992. Т. 2. С. 129.

⁷⁷ Зашихин А.Н. Указ. соч. С. 116.

⁷⁸ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 127–128, 160–161. См. подробн.: Полвинен Т. Держава и окраина. Н.И. Бобринков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб., 1997. С. 196–207.

⁷⁹ Любимов Д.Н. Указ. соч. С. 30, 31, 33.

⁸⁰ Ананьич Б.В. О тексте Манифеста 26 февраля 1903 г. (Из архива В.П. Мещерского) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1983. Т. 15. С. 157, 161, 163, 164.

⁸¹ Савич Г.Г. Указ. соч. С. 3–5.

⁸² Щербатов А.Г. Обновленная Россия и др. работы. М., 2002. С. 289.

⁸³ Гражданин. 1903. 26 июня. См. также: Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. С. 91.

⁸⁴ Гурко В.И. Указ. соч. С. 148.

⁸⁵ Освобождение. 1902. № 11. С. 178, 184.

⁸⁶ Там же. № 12. С. 200. Ср.: Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 282–283; Суворин А.С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма 1904–1908 гг. М., 2005. С. 206, 218.

⁸⁷ Соловьев Ю.Б. Указ. соч. С. 106, 107.

⁸⁸ Орлов В.Н. Из дневника // Былое. 1918. № 14. С. 57.

⁸⁹ Линевиц Н.П. Дневник // Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Л., 1925. С. 112.

⁹⁰ Андреев Д.А. В.К. Плеве: сценарий власти и его восприятие современниками // Проблемы истории государственного управления: государственный аппарат и реформы в России (к 200-летию министерской системы управления в России).

Мат-лы межд. науч. конф. 24–25 октября 2002 г. С.-Петербург. В 2-х ч. СПб., 2004. Ч. 2. С. 51.

⁹¹ Савич Г.Г. Указ. соч. С. 5, 22.

⁹² Таганцев Н.С. Пережитое. В 2-х вып. Пг., 1919. Вып. 1. С. 41.

⁹³ Николай II. Полн. собр. речей. 1894–1906. СПб., 1906. С. 73.

⁹⁴ Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 332.

⁹⁵ Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2000. С. 152.

⁹⁶ Письмо В.Т. Стэда «Arologia pro vita mea» («В защиту моей жизни») // Русские ведомости. 1905. 16 сентября.

⁹⁷ Конституционное государство. Сб. ст. СПб., 1905. С. V.

⁹⁸ Котляревский С.А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 2004. С. 11–12.

⁹⁹ Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 73.

¹⁰⁰ Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии. Сб. док. М., 2000. С. 580.

¹⁰¹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. С. 217.

¹⁰² Там же. С. 136.

¹⁰³ Грингмут В.А. Объединяйтесь, люди русские! М., 2008. С. 388.

¹⁰⁴ Суворин А.С. Указ. соч. С. 357.

¹⁰⁵ Contuzzi F.-P. Diritto costituzionale. Roma, 1907. P. 63.

¹⁰⁶ Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959. С. 159.

¹⁰⁷ Котляревский С.А. Указ. соч. С. 11–12.

¹⁰⁸ Вязигин А.С. Манифест созидательного национализма. М., 2008. С. 258.

¹⁰⁹ Крыжановский С.Е. Указ. соч. С. 72.

¹¹⁰ Таганцев Н.С. Указ. соч. Вып. 1. С. 36, 37, 42.

¹¹¹ Савич Г.Г. Указ. соч. С. 22.

¹¹² Суворин А.С. Указ. соч. С. 357.

¹¹³ Миллюков П.Н. Годы борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907. С. 70–71.

¹¹⁴ Конституционное государство. С. VI.

¹¹⁵ Полн. сб. платформ всех русских политических партий. М., 2001. С. 91.

¹¹⁶ Манифест 17 октября // Красный архив. 1926. Т. 11–12. С. 92, 93, 94–95, 96.

¹¹⁷ Савич Г.Г. Указ. соч. С. 26–27.

¹¹⁸ Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. / Вводн. ст., подг. текста и коммент. С. В. Куликова // Русское прошлое. 1998. Кн. 8. С. 110.

¹¹⁹ Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. Док. и мат-лы. Л., 1990. С. 165.

¹²⁰ Миллюков П.Н. Воспоминания. В 2-х т. М., 1990. Т. 1. С. 306.

¹²¹ Указ 6 августа 1905 г. // Законодательные акты переходного времени

- (1904–1908 гг.). СПб., 1909. С. 184–185.
- ¹²² Гурко В.И. Указ. соч. С. 460.
- ¹²³ Миллюков П.Н. Указ. соч. С. 307.
- ¹²⁴ Зашихин А.Н. Уильям Стэд и провал его «миссии» в России осенью 1905 г. С. 70.
- ¹²⁵ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 342.
- ¹²⁶ Зашихин А.Н. Глядя из Лондона. С. 127.
- ¹²⁷ Письмо В.Т. Стэда «Arologia pro vita mea» («В защиту моей жизни») / Русские ведомости. 1905. 16 сентября.
- ¹²⁸ Киреев А.А. Указ. соч. С. 80.
- ¹²⁹ Stead W.T. The Letters from Russia // Review of Reviews. 1905. № 190. P. 378–379.
- ¹³⁰ Николай II. Дневники. М., 1991. С. 277.
- ¹³¹ Stead W.T. The Letters from Russia // Review of Reviews. 1905. № 190. P. 381.
- ¹³² Киреев А.А. Указ. соч. С. 86.
- ¹³³ Stead W.T. The Letters from Russia // Review of Reviews. 1905. № 190. P. 381.
- ¹³⁴ Киреев А.А. Указ. соч. С. 86.
- ¹³⁵ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 659, 663.
- ¹³⁶ Письмо В.Т. Стэда «Arologia pro vita mea» («В защиту моей жизни») / Русские ведомости. 1905. 16 сентября.
- ¹³⁷ Григорьев С.И. Придворная цензура и образ верховной власти (1831–1917). СПб., 2007. С. 73.
- ¹³⁸ Stead W.T. The Letters from Russia // Review of Reviews. 1905. № 190. P. 381.
- ¹³⁹ Киреев А.А. Указ. соч. С. 86.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 87.
- ¹⁴¹ Савич Г.Г. Указ. соч. С. 25.
- ¹⁴² Киреев А.А. Указ. соч. С. 87.
- ¹⁴³ Там же. С. 86.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 88.
- ¹⁴⁵ Там же.
- ¹⁴⁶ Макушин А.В., Трибунский П.А. П.Н. Миллюков: труды и дни. Рязань, 2001. С. 274.
- ¹⁴⁷ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 342.
- ¹⁴⁸ Киреев А.А. Указ. соч. С. 88.
- ¹⁴⁹ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 342.
- ¹⁵⁰ Беседа с В.Т. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 15 сентября.
- ¹⁵¹ Stead W.T. The Letters from Russia // Review of Reviews. 1905. № 190. P. 382.
- ¹⁵² Святополк-Мирская Е.А. Дневник // Исторические записки. 1966. Т. 77. С. 243.

- ¹⁵³ Николай II. Указ. соч. С. 277–279.
- ¹⁵⁴ «Вы единственный из моих слуг, на которого я могу совершенно положиться». Из переписки Николая II и Д.Ф. Трепова. 1905–1906 гг. // Исторический архив. 2003. № 4. С. 180.
- ¹⁵⁵ Беседа с В.Т. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 15 сентября.
- ¹⁵⁶ Еллинек Г. Право современного государства. СПб., 1908. Т. 1. С. 514.
- ¹⁵⁷ Гессен В.М. 1) Теория правового государства // Политический строй современных государств. Сб. ст. В 2-х тт. СПб., 1905. Т. 1. С. 124; 2) Основы конституционного права. Пг., 1918. С. 59.
- ¹⁵⁸ Казанский П.Е. Власть всероссийского императора. М., 1999. С. 83.
- ¹⁵⁹ Кистьяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 374, 525.
- ¹⁶⁰ Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1908. Т. 1. С. 219, 600.
- ¹⁶¹ Котляревский С.А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 2004. С. 194, 293, 330.
- ¹⁶² Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М., 2006. С. 148.
- ¹⁶³ Завадский С.В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–1917 гг.) // Архив русской революции. 1923. Т. 8. С. 10, 40.
- ¹⁶⁴ Щегловитов И.Г. Курс русского судоустройства, читанный в Имп. Училище правоведения. СПб., б.д. С. 76, 78, 132.
- ¹⁶⁵ Завадский С.В. Указ. соч. С. 10, 40.
- ¹⁶⁶ Катков М.Н. Империя и крамола. М., 2007. С. 176.
- ¹⁶⁷ Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. В 4-х т. М., 1995. Т. 3. С. 311.
- ¹⁶⁸ Петергофские совещания. С. 63.
- ¹⁶⁹ Беседа с В.Т. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 15 сентября.
- ¹⁷⁰ Крыжановский С.Е. Указ. соч. С. 74.
- ¹⁷¹ Беседа с В.Т. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 15 сентября.
- ¹⁷² Савич Г.Г. Указ. соч. С. 576–579.
- ¹⁷³ Беседа с В.Т. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 15 сентября.
- ¹⁷⁴ Мандельштам М.Л. 1905 г. в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 271.
- ¹⁷⁵ См.: Куликов С.В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. С. 45–60.
- ¹⁷⁶ Стэд У.Т. Английские либералы и монархия // Русские ведомости. 1905. 2 сентября.
- ¹⁷⁷ Stead W.T. The Letters from Russia // Review of Reviews. 1905. № 190. P. 381–382.
- ¹⁷⁸ Миллюков П.Н. Указ. соч. С. 308.
- ¹⁷⁹ Stead W.T. The Letters from Russia. P. 382.
- ¹⁸⁰ Беседа с В.Т. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 15 сентября.
- ¹⁸¹ Зашихин А.Н. Уильям Стэд и провал его «миссии» в России осенью 1905

г. С. 72, 73.

¹⁸² Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 390.

¹⁸³ *Маклаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). В 3-х т. Париж, 1936. Т. 2. С. 391.

¹⁸⁴ *Астров Н.И.* Воспоминания. М., 2000. С. 113.

¹⁸⁵ *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 309.

¹⁸⁶ *Зашихин А.Н.* Указ. соч. С. 74.

¹⁸⁷ *Ковалевский М.М.* Указ. соч. С. 341.

¹⁸⁸ Беседа с В. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 17 сентября.

¹⁸⁹ Беседа с В.Т. Стэдом (окончание) // Русские ведомости. 1905. 18 сентября.

¹⁹⁰ *Маклаков В.А.* Указ. соч. С. 392.

¹⁹¹ Беседа с В. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 17 сентября.

¹⁹² *Ковалевский М.М.* Указ. соч. С. 342.

¹⁹³ Беседа с В. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 17 сентября.

¹⁹⁴ *Маклаков В.А.* Указ. соч. С. 392.

¹⁹⁵ Беседа с В.Т. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 17 сентября.

¹⁹⁶ *Ковалевский М.М.* Указ. соч. С. 340.

¹⁹⁷ *Маклаков В.А.* Указ. соч. С. 392.

¹⁹⁸ *Ковалевский М.М.* Указ. соч. С. 342.

¹⁹⁹ *Маклаков В.А.* Указ. соч. С. 392–393.

²⁰⁰ Беседа с В.Т. Стэдом (окончание) // Русские ведомости. 1905. 18 сентября.

²⁰¹ *Милюков П.Н.* Годы борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907. С. 72.

²⁰² Беседа с В.Т. Стэдом (окончание) // Русские ведомости. 1905. 18 сентября.

²⁰³ Либеральное движение в России. С. 403.

²⁰⁴ Беседа с В.Т. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 15 сентября.

²⁰⁵ Либеральное движение в России. С. 404, 415.

²⁰⁶ *Зашихин А.Н.* Глядя из Лондона. С. 133.

²⁰⁷ *Ковалевский М.М.* Указ. соч. С. 342.

²⁰⁸ *Зашихин А.Н.* Уильям Стэд и провал его «миссии» в России осенью 1905 г. С. 76–79.

²⁰⁹ *Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. С. 407.

²¹⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. С. 98.

²¹¹ *Медушевский А.Н.* Указ. соч. С. 407.

²¹² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания... Т. 1. С. 737.

²¹³ *Маклаков В.А.* Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1890–1917. М., 2006. С. 321.

²¹⁴ *Маклаков В.А.* Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 30, 32.

²¹⁵ *Куликов С.В.* Император Николай II и Государственная дума: неизвестные планы и упущенные возможности // Таврические чтения 2007. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX в. Научно-практический

семинар, С.-Петербург, Таврический дворец, 11 декабря 2007 г. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2008. С. 37–38.

²¹⁶ *Зашихин А.Н.* Указ. соч. С. 80.

²¹⁷ *Ковалевский М.М.* Указ. соч. С. 343.

²¹⁸ П.А. Столыпин – А.П. Извольскому. 26 июля 1908 г. // П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 260–261. Данное письмо ошибочно датировано публикаторами «июнем», и не «июлем».

²¹⁹ *Толстой И.И.* Дневник. В 2-х тт. СПб., 2010. Т. 1. С. 487.

²²⁰ *Булацель П.Ф.* Борьба за правду. М., 2010. С. 529.

²²¹ *Толстой И.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 279.

²²² *Миллюков П.Н.* Из статьи «Как пришла революция» // Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 107.